

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№3(85)
2022

№3(85) • 2022 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИГА

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 3

Филологические науки.
Медиакоммуникации

№ 3(85) • 2022

Сборник научных трудов

Луганск
2022

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И. И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е. Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В. М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С. М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С. Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О. В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Просянкина О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И. А.	– кандидат филологических наук, доцент
Супрун В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

В38 Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. А. А. Новикова. – Луганск : Книта, 2022. – № 3(85) : Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 92 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных исследований теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 370 от 27 мая 2022 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ*

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 3 от 28.10.2022 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2022
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

- Марфина Ж. В.** Концептуализация общественной мотивации отношений между членами семьи в восточнославянском народно-песенном субпространстве.....4
- Чередниченко В. М.** Лексикографическая репрезентация концепта «цвет» в словарях китайского и русского языков.....11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Грицкова Н. В., Бережная А. Д.** Языковой код как основополагающий аспект идиостиля автора.....17
- Ли Е. С.** Становление японской литературной традиции от Античности до Нового времени.....22
- Пантыкина Н. И.** Женские образы в романе турецкого писателя Орхана Кемала «Брошенная в бездну».....27
- Сотникова Ю. В.** Жанровая характеристика англоязычных романов XX века.....32
- Хатнюк А. В.** Влияние социалистического реализма на роман Ивана Антоновича Ефремова «Лезвие бритвы».....36

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Мерхелевич Г. В.** Организация сетевого обучения специалистов разного профиля иностранному языку на монолингвальной основе.....41

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Грязнова А. М.** Профессиональное развитие языковой личности переводчика в рамках интегративного подхода.....48
- Каткова В. П.** Прагматический аспект перевода фразеологических единиц в зависимости от типа текста.....56
- Каткова В. П., Борzych Е. А.** К вопросу о методологии перевода безэквивалентной лексики.....61
- Фомина С. Б.** Лексико-структурные характеристики юридической терминологии и способы ее передачи на русский язык.....70
- Харченко Л. И., Батранча Ю. А.** Локализация компьютерных игр: вопрос актуальности.....75

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

- Мифтахова О. В.** Языковые особенности русофобской риторики Аннелены Бербок.....80

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ86**
- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ88**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 398.8:316.614.5(=16)

Марфина Жанна Викторовна,
канд. филол. наук, доцент,
ректор ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
kvitkakvitka.2016@gmail.com

Концептуализация общественной мотивации отношений между членами семьи в восточнославянском народно-песенном субпространстве

В данной статье рассматриваются сценарные мотивы в русском и украинском народно-песенном субпространстве, в которых названия родства выполняют роль базовых единиц. Представлены концептуальные цепочки, между компонентами которых установлены определённые устойчивые семантические отношения.

Ключевые слова: народно-песенное субпространство, названия родства, фольклорема, концептуальная цепочка.

Народно-песенная культура – среда, хранящая древние пласты национальной языковой практики и ценностно-аксиологические комплексы повседневной, ритуальной культуры, сегментов истории народа. Народно-песенное субпространство, как своеобразное фольклорное койне, соотносено с наддиалектной основой литературного языка и соответственно охватывает близкие и тождественные не только лексико-грамматические, но и ассоциативно-образные нормы словоупотребления, поэтические обороты, типичные микроконтексты.

Особенности песенного фольклора восточнославянских народов в разное время исследовали Т. М. Акимов, Е. Б. Артеменко, А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, А. П. Евгеньева, С. Я. Ермоленко, В. В. Жайворонок, Н. П. Колпакова, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, А. Л. Метлинский, С. Е. Никитина, И. А. Оссовецкий, А. А. Потеня, Н. В. Сумцов, Ю. А. Толмачев, Н. И. Толстой, И. Я. Франко, А. Т. Хроленко, П. П. Червинский и многие другие ученые. В исследованиях отмечено, что народные песни по-особому воздействуют на сознание человека, «имприминтируют в него ряд аутентичных знаний. Являясь музыкально-поэтической рефлексией быта, традиций и истории в целом, народная песня транслирует обширные знания в широкие массы» [6, с. 3526–3527].

В народно-песенной культуре (НПК) восточных славян (и русской, и украинской) в текстах, отражающих историю этих народов со времен становления древнерусского государства (XI в.) и до второй половины XIX в., наиболее выражена общественная мотивация отношений членов семьи. Прежде всего, в НПК представлена рекрутская (солдатская), невольничья (тюремная)

тематика, а в украинском народно-песенном субпространстве – тематика казачества, чумакования.

Как известно, одной из составляющих народно-песенного словаря являются названия родства (НР) [2, с. 8]. В фольклорных текстах они зачастую приобретают статус фольклоризмов, т. е. единиц, вошедших впоследствии в литературно-языковую практику с эстетической нагрузкой – эпичность, лиризм, песенность и т. д.

В народно-песенном субпространстве НР-фольклоремы не только реализуют свои, особенные смыслы, но и становятся словами-символами других ситуаций (ритуально-обрядовых, социально-политических), а также отражают развитие внутренней семантики этих единиц, связанной с формированием вторичной семы «родство» – ассоциативной, социокультурной, опосредованной другими функциями людей в общественной практике. Закрепляясь в одних и тех же функциях в песенных текстах, НР-фольклоремы приобретают еще более обобщенное предназначение – быть маркером поэтического мировосприятия (конкретно-чувственные образы нежности, доброты, лиризма и др.) [2, с. 156], ср.: фольклорные формулы (структурно-семантические повторы) *отец-мать, батько-ненька* и под. и песенное поэтическое употребление: *Тихий Дон, наш милый батюшка, / Ой да, тихий Дон, / Ой, и что же ты мутнехонек, Мутнехонек течеш; Батьку мій милий, темнешенький гаю, / Як же я нічку свою прогаю?*

НР-фольклоремы в соответствующих текстах включены в характерные концептуальные цепочки, в которых сохранена архетипическая проекция тех или иных сценариев *поведения, отношений* отдаленных общественно-историческими обстоятельствами родственников.

Цель нашего исследования – из смыслового наполнения анализируемых текстов установить комплекс сценарных мотивов, в которых названия родства выполняют роль базовых единиц; определить систему ядерных и вторичных концептов, вербализованных в русском и украинском народно-песенном субпространстве, их связь со сценарными мотивами.

Материалом исследования послужили тексты русских и украинских народных песен, выбранные из следующих фольклорных сборников: Русские народные песни: сборник / сост. А. Н. Розова. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 464 с.; Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові [упоряд. О. М. Хмільська]. – К. : Музична Україна, 1967. – 735 с.

Основным методом анализа народно-песенных контекстов стало моделирование концептуальных цепочек [3, с. 50], в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – название родства), или два (концепты одной либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия. Между ними, благодаря означаемым словам (прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов), установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате их раскодирования и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки \leftrightarrow , \leftarrow , \rightarrow , $:$, $+$ указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания (корреляция, отождествление, следствие, наложение и т. п.) [5, с. 16].

Прежде всего стоит выделить направление концептуализации, центром которого является макроконцепт «род», его же вербализаторами в украинском народно-песенном субпространстве являются фольклоремы *род / рід, родина, родинонька*. И в бурлацких, и в крепостнических текстах, в песнях наемных рабочих лирический герой (представитель рода) признается в своем одиночестве, сиротских чувствах, которые переполняют его в чужой стороне. В основном эти переживания он обозначает через утверждение отрицания общности с далеким родом, семьей – *нема роду, нема родиноньки: Ой тужу я, тужу, / Бо в лихого пана служу (...)* / *Я гадаю мандрувати, / – Жаль ми роду покидати; / Не так роду, як мамочки: / Годувала з дитиночки; / Годувала, леліяла, / Потіхи ся надіяла; Та сидить бурлак у неволі, та рубашку латає, / Та поглядає крізь решотку, де родину має? / «Та нема в мене родиноньки, но на Україні дядько: / Він мене приголубить, як рідненький батько!».*

НР-фольклорема *мать-вдова* и номинация *сын*, как правило, входят в микроконтексты рекрутско-солдатского набора, панщины: *На ряду-то живет вдова грешная с сиротою, / У нее есть один сыночек-сиротина, – / Отдадим-то мы его во солдаты!; А у вдови один син, та й той пішов під аршин. / Його пани любили та й лоб йому забрали.*

Рекрутско-солдатский цикл народно-песенной субкультуры характеризуется актуализацией не только НР-фольклором, но и орнито- и растительной символики, которая опосредует духовную связь родителей и детей, в частности, сына, сыновей, которых по долгу родители должны отдать в войско: *зозуля* – «мать», «печаль, горе»; *вороной конь* – «верный друг», «опора»; *орел* – «отвага, победа», «воинский поединок»; *дуб, дубрава* – «опора», «сила», «жизнь»; *калина* – «краса», «молодость»; *барвинок* – «жизнь», *сад* – «отцовский дом; сами отец-мать». Это, как отмечают исследователи, одни из наиболее древних символов [4]. В целом из смыслового наполнения анализируемых текстов можно установить ведущую роль нескольких мотивов:

МАТЬ ВЕДЕТ / БЛАГОСЛАВЛЯЕТ СЫНА НА СЛУЖБУ – {[мать] ← [проводы] → [сын-солдат]}: *Во третьем-то было садичке – / Родная матушка сидит-плачет. / Она плакала, рыдала / И во солдатушки сына снаряжала; Ой зродила мати сина – / У солдати нарекла, / Гей, та взяла ж його за рученьку, / До прийому одвела; Виряджала мати в військо свого рідного сина; Летіли орли з далекого краю, / Сіли спочивати на вдовиній хаті. / Сіли спочивати на вдовиній хаті... / Виряджала мати сина у солдати ;*

СЫН ПРОЩАЕТСЯ С СЕМЬЕЙ – {[отец-мать, сестра, брат, жена, дети] ← [прощание, слезы] → [сын-солдат]}: *За обозами солдатів женуть, / За солдатами матусі ідуть! / Вони плачуть, убиваються... / Що брат з сестрою прощаються!.. / Прощай, отець і матуся стара, / І ти, жона молодьохенькая! / Прощай, отець і сестриця родна, / І ви, брати все родньохенькі!. В русском народно-песенном субпространстве прощание с родными сассоцировано с дисгармонизацией внутреннего мира сына-солдата, который сакрально связан с родиной, символами которой являются *земля* (мать) и *небо* (отец), *соколы* (братья), *лебеди* (сестры), *сонце, місяц* (дети), ср.: *С родной той ли маменькой я разоставался – / Мать сыра ли земля да простонала; / С родными ли братьями я да разоставался – / Ясны те соколы нароть да раз-**

летались, / Добры те ли молодцы нароть да разъзжались; / Со родными ли сестрами я да разоставался – / Беды те лебедушки нароть да разлетались; / С молодой женой я да разоставался – / Те да слезяны ручьи да протекали; / С малыми деточками я разоставался – / Во поле червочки да извивались; / С красными да с девушками я разоставался – / Ретиво ли сердце, эх да сердце встрепенулось; / Со родом да с племенем я разоставался – / Весь ведь мир-от да взволновался; Став со батюшком прощаться – / Небо, земля простонало, / Став со матушкой прощаться – / Свет-от стал переменяться. / С молодой женой-прощаться – / Тело с душой расставаться, / Став с детушкам прощаться / Солнце, месяц опускаться;

СЕМЬЯ ПЛАЧЕТ, ПРОЩАЯСЬ С СЫНОМ – {отец-мать; жена, дети} ← [печаль, слезы] → [сын-солдат]: *Провожает его, разудалого, / Его молода жена, провожают его, разудалого, / Его все – отец и мать; / Провожают еще его, разудалого, / Его весь и род и племя. / Позади идет его горюшенька – Его молода жена...; Ой у лісі на дубочку зозуля кувала, / Там у саду у вишневім мати заплакала. / Не така вона заплакала, як заговорила, / Виправляла на війноньку рідненького сина; Заковала сива зозуленька / В лісі над водою; / Плаче, тужить, жовняр молоденький / На конику вороному. / Сіла мати, сіла старенькая в сіньох на порозі, / Як си погадала, що сина оддала, оболляли ю дрібні сльози.*

В русском народно-песенном субпространстве НР-фольклоризм сын-солдат объединен в оригинальном ассоциативно-образном ряду: представление лирического героя о семье-саде (напоминающем рай) стимулируют внешние и вкусовые отождествления отца с кипарисом, матери – с яблоней, жены – с грушей: *Во строю солдат тяжело вздыхал: / «Мне не жаль, не жаль самого себя, / Только жалко мне зелена сада... / Кипарис-дерево – родной батюшка; / Сладка яблонка – родна матушка; / Зелена груша – молода жена».*

Народно-песенное субпространство охватывает и дискурсивные ситуации, когда в подневольной солдатчине сын-рекрут мысленно – соколом – связывается с родными: *Прилечу я соколочком / И закружусь над теремочком. / Закружусь над теремочком, / Да над родительским домочком». / Мать от радости рыдает, / Да только сына не узнает. / Повстречает мать сынка, / Ой, расседого старика; Ой, буду, буду, маменька, через двадцать лет, / Буду, буду к тебе, маменька, через двадцать лет, / Э... прилечу к тебе, сударыня, ясным соколом. / Я кокованьем-горёваньем зелен садик обсушу, / Ой, я горючими слезами твою рассаду оболью.»... /...Меня, добра молодца, во солдаты меня берут. / Во солдаты, во солдатушки; ворона коня дают...*

Характерно, что символическую роль связующего звена между переживающим солдатом, рекрутом, казаком и его родными в народно-песенном субпространстве переложена на коня, готового понести его на встречу с родными, ср.: *У него стоял его добрый конь, / Он копытом бил мать сыру землю. / Он не землю бил – молодца будил: / «Ты вставай, вставай, добрый молодец, / Есть ли мочь у тебя, есть ли силушка? / Ты седлай скорей своего коня, / Седлай лучше ты своего коня и садись на меня. / Отвезу тебя в родную сторону, / К отцу, к матери, к молодой жене, / К молодой жене и родным детонькам»; Ой летит ворон вже понад Дунай та й жалібненько краче: /*

Ой не єден отець, не єдна мати за своїм сином плаче. / Ой ступай, коню, ти підо мною на кривавій ріки. / Бувай здорова, родина моя, пропав же я на віки! / Ой ступай, коню, ти підо мною на розбитую груду. / Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду!

Символизм текстов такого жанра обусловлен эмоциональным напряжением обеих сторон, более близкая солдату природа включается в ассоциативно-образные связи (параллели) с отдаленными родственниками: ... *Прилетели к доброму молодцу три ласточки, / Из них первая садилась на буйной главе, / А другая-то садилась на белой груди, / Ах, как третья садилась на скорых ногах. / Что как первая-то пташка – родна матушка, / А другая-то пташка – то мила сестра, / Ах, как третья-то пташка – молода жена. / Они взяли мертво тело за белы руки, / Понесли они то тело во высокий терем. / Его матушка плачет – что река льется, / А родна сестра плачет – как ручьи текут, / Молодая жена плачет – как роса падет: / Когда солнышко взойдет, росу высушит, / Как замуж она пойдет, то забудет его...*

Орнитосимволика характерна и для народно-песенных текстов о крепостничестве: дети-соколы отчуждены орлом-невольником для службы господину ({[отец-мать] → [печаль, слезы] → [дети-крепостные]}): *А на третье літо сокіл прилітає, / Сокіл прилітає і орла питає: / «Ой брате, мій брате, сизокрилий орле, / Де ж подівав ти всі розкоші мої, / Де ж подівав ти мої малі діти?» / «Твої розкоші у огні згоріли, / Твої малі діти у гай полетіли: / Сіли твої діти на високім дереві, / На якому дереві – на колькому терні. / І їхали пани із чужої країни, / Дерево ізрубали, соколят забрали, / Невірному царю гостинця подали».*

Традиционно маркером берега в украинском народно-песенном субпространстве выступает *біленька сорочка*, которая в иерархии значимых составляющих солдата, бурлака, чумака пребывает в одном ряду с отцом-матерью, сестрой, т. е. с образами берегов, защитников, опоры: *Чому в тебе, бурлаченьку, сорочка не біла? / «Якби я мав сестру рідну та неньку стареньку, / То дала б мені щонеділі сорочку біленьку»; «Десь у тебе, рекруточку, / Та й мати не рідна, / А що в тебе, рекруточку, / Сорочка не біла?» / «Якби в мене була мати / Або сестра рідна, / То була б мені щонеділі / Сороченька біла».*

Верный друг сына-солдата – *конь*, он же для семьи веститель трагической доли сына, умершего или погибшего в рекрутах; символом смерти является и *ворон*: *«Не стій, коню, надо мною, / Бо ти видиш біду мою. / Іди, коню, дорогою / До матінки з новиною. / Та як прийдеши під ворота, / Та там вийде отець, мати. / Отець вийде, утішить сі, / Мати вийде, засмутить сі: / «Коню ж ти мій вороненький, / Де мій синок молоденький?» / «Ой цит, мати, не жири сі, / Вже твій синок оженив сі. / Взєвси за жінку мураву, / Під головоньку купину, / А очу накрав хустинов»; Червона калина / Біленько зацвіла; / Породила бідна вдова / Жовнярика-сина.(...) / Кряче ворон, кряче, / Матусенька плаче: / Поховали її сина в полі край дорожки».*

Предметным символом плохой новости является и письмо сына-солдата или сына, отбывающего тюремное наказание ({[отец-мать] ← [память, смерть, забота-поминание] → [сын-солдат; сын-арестант]}): *Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка! / Не плачь, не печаль доброго молодца, / Ты не жди, ты*

не жди молодца через три года; / На четвертый год сам письмо пришло, / Во письме пропишу строку черную, / Строку черную, печальную; / Поминай ты меня тогда, родимая матушка, хлебом-солью»; Я в тюрьме – то сижу, да всё письмо я пишу. / Я письмо – то пишу да отцу, матери. / Что отец-от и мать да догадались, / Догадались да взволновались.

Общественно-исторический феномен чумакование (укр. чумацтво) через вербализаторы концепта «родство» предстает в мотивах:

ПАМЯТЬ: *память и уважение – {[отец-мать] ← [память, уважение] → [чумац]} (Ой як став же той чумаченько у дорозі помирати, / Ой і став же він свого товариша вірненько прохати: / «(...) Ой як будете, вірне товариство, на Подолі становитись, / То не забувайте, вірне товариство, отцю й неньці поклонитись!»); память и забытьё – {[отец-мать] ← [память, забытьё] → [чумац]} («Коли тебе, мій синочку, в гості дождидати?» / «Тоді мене, моя мати, будеш дождидати, / Як поросте зелена трава в хаті на помості!» / Росла, росла зелена трава, стала посихати; / Ждала, ждала мати сина, стала забувати); память и смерть – {[мать 'зозуля'; батько, отець, сестри, брати, рід] ← [память, смерть, слезы] → [сын-чумац]} (Прилетіла зозуленька та й сказала: «Ку-ку! / Подай, сину, подай, орле, хоч правую руку!» / «Ой рад би я, моя мати, обидві подати, / Та налягла сира земля – не можна підняти!» Плаче гірко родинонька: / «Де синочки наш лежать, / Порубані, почорніли / І кров'ю обкипіли, / А нікому приглянути!..*

ЗАБОТА: *забота – {[мать] ← [забота] → [сын-чумац]} (Ой мати сина спородила / І вірненько кохала, / Вона ж його в дороженьку / Сильно не пускала);*

ОТЧУЖДЕНИЕ: *забытьё, проклены – {[ДОМ: отец, мать, жена, дети] ← [проклены] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: сын-чумац]} (Гей, дома жінка молодая, / Ще й дитиночка мала, / Іще й ненька старенькая. / Гей, іще й ненька старенькая, / Вона ж мені рідненькая. / Ой вони ж мене дождидают / Та чумачку проклинають; Вернися, чумаче, додому! / Отець, мати лає / Й тяжко проклинає, / Таки тобі фортуна не служить! / Та вернися, милий, додому! / Та плачуть діти за тобою, / Малі діти плачуть, / Та отець і мати лає, / Тим нам талану немає!»);*

ПЬЯНСТВО: *пьянство – {[ДОМ: отец-мать] ← [гуляньє] → [ШИНОК: сын-чумац]} (Наливай, наливай, шинкарочко, / А я буду пий! / Ой є в мене отець-мати, / Випляють мене!;*

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ РОДА, ЖЕНЫ – {[ДОМ: жена, дети] ← [разлука] → [сын-чумац]}. В таких микроконтекстах актуализируется трагическая коннотация слова-символа *калина* (ассоциация с покинутой женщиной): *Зацвіла калина у лузі да попустила квіти, / Не один чумац киди жінку і дрібненькі діти; В темнім лузі червона калина / Ісхилила віти: / Не один чумац киди свою жінку / І маленькі діти;*

Народно-песенное субпространство сохраняет негативное отношения матери к желанию дочери выйти замуж за чумака ({[ДОМ: мать] → [запрет] → [дочь : чумац – сватаньє] }): *«Чому мене, моя мати, / Рано не збудила, / А як тая чумачина / З села виїздила?» / «Тим я тебе, моя дочко, / Рано не збудила, / Попереду твій миленький – / Щоб ти не тужила»; «Сватай мене,*

чумаченьку, / Рано й у неділю: / Буду просить у матінки – / Нічого не вдію...» / «Ой піду я, моя мати, / Та за його заміж; / Як ти мене та й не ддаси – / Дак я й умру зараз». / «Легше ж мені тебе, доню, / Дома поховати, / Аніж мені т за його / Заміж тебе дати».

Таким образом, исследование народно-песенного субпространства показало, что НР-фольклоремы в текстах народных песен социально-бытовой тематики стали знаками знания об истории русского и украинского народов. Правда, украинский песенный фольклор трансформирует кроме общих с русской социально-бытовой культурой, специфическое общественно-политическое явление – казачество, а также социально-экономическое явление – чумакование. Однако структуры концептуальных цепочек в своем большинстве подобны тем, что смоделированы на основе анализа песенных текстов о крепостничестве, бурлачестве, солдатчине.

Список литературы

1. **Бобунова, М. А.** Русское фольклорное слово в зеркале словаря (о лексикографическом опыте курских лингвофольклористов) [Электронный ресурс] / М. А. Бобунова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-folklorное-slovo-v-zerkale-slovarya-o-leksikograficheskom-opyte-kurskih-lingvofolkloristov/viewer>, свободный. (Дата обращения: 26.08.2022 г.).
2. **Єрмоленко, С. Я.** Фольклор і літературна мова / С. Я. Єрмоленко. – К. : Наукова думка, 1987. – 247 с.
3. **Жайворонок, В. В.** Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 2012. – № 4. – С. 49–58.
4. **Лазутин, С. Г.** Поэтика русского фольклора [Электронный ресурс] / С. Г. Лазутин. – Режим доступа: http://www.infliolib.info/philol/lazutin/2_2.html, свободный. (Дата обращения: 20.08.2022 г.).
5. **Марфина, Ж. В.** Концептуализация свадебно-обрядового дискурса в русском и украинском песенном фольклоре / Ж. В. Марфина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 3. – С. 15–24.
6. **Теппеева, Д. Р.** Лингвостилистические особенности русской народной песни / Д. Р. Теппеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 11. – С. 3526–5330.

Marfina Zh. V.

Conceptualization of Social Motivation of Relations between Family Members in the East Slavic folk-song Subspace

This article deals with scenario motifs in the Russian and Ukrainian folk-song subspace, in which the names of kinship play the role of basic units. Conceptual chains are presented, between their components certain stable semantic relationships are established.

Key words: folk-song subspace, kinship naming units, folkloreme, conceptual chain.

УДК 811.581.19:

Чередниченко Виталия Михайловна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
air120896@gmail.com

Лексикографическая репрезентация концепта *цвет* в словарях китайского и русского языков

В данной статье рассматриваются значения лексемы «цвет» в словарях китайского и русского языков, а также семантические различия слов-цвето-обозначений в двух лингвокультурах, изучаются лексикографические особенности цвета в разносистемных языках.

Ключевые слова: *китайский язык, путунхуа, концепт, колоронимы, цвет.*

В любом языке существует большое множество слов для обозначения цвета. Колоративная лексика – это слова-символы, в которых используется цветовой язык для передачи информации или выражения эмоций [1, с. 33]. Цвет обладает визуальной способностью. Однако, учитывая расположение каждой этнической, культурной среды, жизненное происхождение, религиозные убеждения, культурное происхождение и т. д., отличия разных этнических людей в их собственном мышлении «измеряет цвет чего-либо и дает себе цветовые характеристики и коннотации национальной культуры», таким образом, лексикографические представления всевозможных цветов и ценности, придаваемые этим понятием и в применении языка и культуры, различны [5, с. 56].

Значение лексемы «цвет», именующей концепт *цвет*, представлено в энциклопедических, толковых и аспектных словарях современного русского литературного языка следующим образом:

– «свойство *света* вызывать определенное *зрительное ощущение* в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения» [8, с. 794];

– «световой *тон* чего-л., *окраска*» [9, с. 713];

– «один из видов красочного *радужного* свечения – от красного до фиолетового, а также их сочетаний или оттенков» [10];

– «характеристика *зрительного ощущения*, позволяющая наблюдателю распознавать качественные различия излучений, обусловленные различным спектральным составом цвета» [7, с. 394];

– «род или вид краски, *масть, колер*» [6, с. 555];

– «*тон, краски, колорит, окраска, расцветка; колер*» [2, с. 584].

Исходя их вышеназванных определений, при лексикографической интерпретации концепта *цвет* все современные словари русского языка (за исключением Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова) дают следующую семантизацию: «Свойство тела вызывать зрительное ощущение в соот-

ветствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого им излучения», «окраска» [2; 6; 8].

Анализируя определения из словарей, можно сделать вывод о том, что содержательная схема концепта *цвет* раскрывается через системное значение лексемы «цвет» и определяется носителями русского языка как свойство тела, связанное с его зрительным восприятием. В коллективном сознании говорящих концепт оказывается насыщенным образами цветового восприятия мира, что и позволяет говорить о его перцептивной природе. Структурным ядром концепта *цвет* в данном случае приходится признать представление говорящих о специфическом виде зрительного ощущения человека, источником которого является физическая (спектральная) характеристика предметного мира (тела).

В русском языке цвет характеризуется как признак, свойственный отдельным частям человеческого тела, поэтому включается в такие подразделы, как: «глаза» (*синеглазый, черноглазый*), «цвет лица» (*румянец, белолицый*), «кожный покров» (*бледность, смуглый*), «цвет волос» (*блондин, шатен, рыжий*)

Цветообозначение в русском языке может передаваться с помощью языковых единиц, принадлежащих к разным лексико-грамматическим классам, например: *рыжая* (прилагательное), *краснела* (глагол), *бело* (наречие), *синева* (существительное), *белея* (деепричастие), *зеленеющий* (причастие) и т. д.

Цвет как зрительное ощущение характеризуется следующими параметрами: «цветовые оттенки» (*краснота, пурпурный, вишневый; лиловый, сиреневый*), «не цветной» (*белизна, чернота, бесцветный*), «цветовые тона» (*прожельть, хаки*), «интенсивность цвета» (*яркий, густой, свежий, тусклый*), «чистота цветового тона» (*ясный, чистый, серый, светло-зеленый*), «изменение окраски» (*темнеть, краснеть, зеленеть*), «многоцветье» (*пестреть*), «раскраска» (*пятнистый, полосатый*).

Дополняют лексикографическую картину такие цветовые фразеологические сочетания, как: *маков цвет, в розовом цвете, в черном цвете*, отражающие культурно-исторический опыт народа. Авторы «Русского ассоциативного словаря» отмечают также омонимичное употребление лексемы *цвет* в следующих устойчивых сочетаниях: *во цвете лет и сил, цвет нации*. Такие фразеологические единицы занимают важное место в лексикографической структуре концепта «Цвет» [2].

Семантические различия цветообозначений в первую очередь связаны с различиями в картинах мира представителей русской и китайской культур, со сложившимися историко-культурными, религиозными, климатическими и другими особенностями. Символика цвета тесно связана с представлениями об окружающем мире. Цвет обладает особым значением и, как символическое средство, способствует пониманию мирового разнообразия [11, с. 65].

Черный цвет в русской культуре является символом скорби и печали; белый – символ чистоты и невинности; серый – символ отречения и меланхолии; коричневый – символ смирения и бедности; фиолетовый – символ инфантильности и потребности в поддержке; синий – символ бесконечности, духовной и интеллектуальной жизни; зеленый – символ молодости; желтый – символ

золота; красный – символ радости, любви; голубой – символ идеальности и безмятежности; розовый – символ мечты и надежды; оранжевый – символ теплоты и счастья [11, с. 63].

Китайский эквивалент цвета – 颜 [Yán], 色 [Sè] или 颜色 [Yánsè]. В китайском языке чаще всего один китайский иероглиф более выразителен и продуктивен, чем фраза. Поэтому 颜色 [Yánsè] часто сокращается как 颜 [Yán] или 色 [Sè]. В современном китайском языке слово 颜色 [Yánsè] означает цвет, в то время, как в древнем Китае слово 颜色 [Yánsè] означало «цвет лица». Буквальный перевод 颜色 [Yánsè] как «энергия (ци) между бровями (янь)», имея в виду такие человеческие эмоции, как стыд, сожаление, радость и беспокойство. Во времена династии Тан 颜色 [Yánsè] начал нести значение цвета в целом.

В китайских словарях иероглифу 颜 [Yán] дается следующее значение: 1) лицо, выражение лица; 2) лицо, престиж; 3) цвет; 4) фамилия. Иероглиф 色 [Sè] обозначает: 1) цвет; 2) взгляд, лицо, выражение лица; 3) вид, описание; 4) сцена, декорации; 5) качество объекта, особенно драгоценных металлов, товаров; 6) красивая внешность женщины; 7) похоть, желание; 8) фамилия. 颜色 [Yánsè] в словаре китайского языка определяется как 1) цвет, воспринимаемый сенсорами; 2) (письменное) лицо; 3) выражение лица; 4) урок (научить кого-то) или выражение лица (показать свои эмоции).

Эти определения в некоторой степени указывают на общее представление китайцев о цвете. Из лексикографических определений цвета в китайском языке мы можем получить представление о том, как цвет концептуализируется. Во-первых, цвет – это чувственное восприятие предметов или людей. С другой стороны, цвет – это абстрактное восприятие людей, такое как выражение лица, красота женщины, внешность и т. д.

Многие современные китайские иероглифы, которые используются для описания различных оттенков цвета, несут в себе радикал «шелк». Согласно книге 说文解字 [Shuō wén jiě zì] (Объяснение символов и выражений), для описания цветов шелковых тканей используются 24 символа, включая красный, зеленый, фиолетовый, темно-красный (малиновый), ярко-красный, темно-красный (темно-фиолетовый), голубой, оранжево-красный, белый и т. д. Все яркие оттенки цветов показывают, насколько яркой была промышленность по производству шелка в древнем Китае.

Слово «цвет» имеет три производные формы прилагательных в китайском языке: цветной, красочный и бесцветный: 有色的 [Yǒusède], 彩色的 [Cǎisède] и 无色的 [Wúsède] бесцветный. В китайском языке красочный обычно используется положительно, как в выражениях 张灯结彩 [Zhāngdēng jié cǎi] для украшения фонариками и цветными гирляндами для праздника), 满堂 [Mǎntángcǎi] аплодисменты и одобрительные возгласы по всей комнате), (文彩 [Wéncǎi] интересная или блестящая часть письма), (彩头 [Cǎitóu] удачи в делах или азартных играх) и т. д.

Многие китайские цветовые термины имеют расширенное значение, отличное от значений генетически несвязанных языков, таких как русский. Это исследование предоставляет диахронические и синхронные доказательства, чтобы показать, что китайские цветовые термины использовали те же меха-

низмы, что и русские (например, метафора, метонимия, чувство противоположного отношения и прагматический вывод) в развитии различных расширенных и абстрактных значений. Утверждается, что различия в расширенном значении китайских и русских цветовых терминов систематически основывались на их ранних разработанных семантических свойствах (то есть семантических областях) и когнитивных функциях. В результате старшинство семантических функций определяет объем и характеристики новых значений цветовых терминов, вопреки утверждению, что случайное явление ведет к языково-идиосинкразическому развитию.

Традиционно китайцы считают базовыми только пять цветов: «белый» 白色的 [Báisè de], «черный» 黑色的 [Hēisè de], «красный» 红色的 [Hóngsè de], «синий» 蓝色的 [Lán sè de], «желтый» 黄色的 [Huángsè de], хотя, как и многие другие языки, китайский распознает также одиннадцать основных цветов. Цветовые термины: «белый» 白色的 [Báisè de], «черный» 黑色的 [Hēisè de], «красный» 红色的 [Hóngsè de], «синий» 蓝色的 [Lán sè de], «желтый» 黄色的 [Huángsè de], «серый» 灰色的 [Huīsè de], «коричневый» 棕色的 [Zōngsè de], «оранжевый» 橙色的 [Chéngsè de], «фиолетовый» 紫色的 [Zǐsè de], «розовый» 粉色的 [Fěnsè de].

Для каждого цветового термина в китайском языке определены три типа значений: исходное значение, расширенное значение и абстрактное значение. Первоначальное значение относится к этимологическому значению цветового термина; расширенное значение относится к значению, расширенному от исходного значения с помощью метафоры, метонимии или других когнитивных средств; абстрактное значение относится к значению, которое было дополнительно абстрагировано от расширенного значения. Следует отметить, что периоды времени, в течение которых проявлялись различные значения семи цветов, в определенной степени различаются. Однако поскольку исходное значение всегда является самым ранним значением, расширенное значение развивается позже и абстрактное значение является самым последним расширением любого данного цветового термина.

Более ранние исследования показывают, что «белый» 白色的 [Báisè de] и «черный» 黑色的 [Hēisè de] – это два цвета, которые имеют самую долгую историю среди цветовых терминов на всех языках мира, включая китайский, потому что они являются наиболее контрастными и легко идентифицируемыми цветами. Вероятно, это также причина того, что китайский белый передает широкий диапазон значений.

В китайском языке система цветообозначений соотносится с семиотической, философско-мировоззренческой картиной мира. С древнейших времен; во времена правления Хуанди (Желтый Император) во времена династий Шан, Тан, Чжоу и Цинь императоры выбирали символические цвета на основе теории пяти элементов. В основу лексической базы цветообозначений китайского языка входит именно эта древняя мифологическая система, состоящая из пяти элементов – метафизических представлений мироздания, которым соответствует определенный цвет [3, с. 28]. Пять фаз мирового цикла (вода, огонь, дерево, металл, земля) с древности имели множество соответствий, в том числе и с цветом [5, с. 300]. Данную концепцию называют «Пять сторон света, пять первоэлементов, пять цветов» [3, с. 28]. Согласно данной концеп-

ции, цветообозначения в китайском языке представлены так: черный – вода, север; красный – огонь, юг; сине-зеленый – дерево, восток; белый – металл, запад; желтый – земля, центр [4, с. 69–72].

Цвета используются по-разному в цветовых идиомах в разных языках. Возьмем для примера зеленый цвет. В русском языке «он зеленый» может означать, в зависимости от контекста несколько вариаций: 1. Он неопытен 2. Он завидует 3. Он заботится об окружающей среде. Однако у зеленого цвета есть и другие ассоциации в других языках, такие как страх (французский), гнев (тайский, итальянский) и тошнота (китайский).

Хотя количество колоронимов в словарях китайского и русского языков ограничено, оно отражает культурную психологию и эстетический вкус двух разных народов. Китайский и русский – два древних языка – имеют богатую культурную коннотацию в их долгом процессе социального развития. Колоронимы в них имеют уникальное символическое значение и могут выражать разные эмоциональные цвета. Колоронимы не только имеют словарный, непосредственный поверхностный смысл, но также и прагматическое значение культурных эмоций, поэтому в процессе изучения русского языка для нас имеет большое значение понимание культурного фона, обычаев, а также историко-географического фона различных колоронимов, как на русском, так и на китайском языках.

Цвет является ключом к миру человеческого познания. Цветообозначения делают язык более ярким и эмоционально насыщенным. Изучение лексикографических особенностей цвета в разносистемных языках позволяет выявить сходства и различия цветовой картины мира в китайском и русском языках, а также понять культурные особенности данных народов, что расширяет знания о традициях и обычаях двух стран.

Рассмотрев колоративную лексику в русском и китайском языках, можно сделать вывод, что цветообозначения в двух языках обладают обширным диапазоном символических значений, в которых проявляются как сходства, так и различия. Цветовые символы передают значительное количество информации, они, как правило, многозначны и обладают различным семантическим значением. Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении цветообозначения в китайском и русском языках.

Список литературы

1. Азерников, В. В. Неслучайные случайности / В. В. Азерников. – М. : Искусство, 1972. – 272 с.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : около 9000 синонимических рядов / З. Е. Александрова; под ред. [и с предисл.] Л. А. Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – 600 с.
3. Ардабьева, А. А. Лу Синь. Зарубежные писатели. Библиографический словарь / А. А. Ардабьева. – Ч. 1. – М. : Флинта, 1997. – С. 469–470.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология – М. : Наука, 1997. – С. 267–279.

6. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т.4. / В. И. Даль. – М. : Наука, 1982. – 710 с.
7. **Душков, Б. А.** Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности: словарь: учеб. пособие для студентов гуманитар. специальностей вузов / Б. А. Душков, А. В. Королев, Б. А. Смирнов. – 2. изд., доп. и перераб.. – М. : Академ. Проект, 2003 (ФГУИПП Вятка). – 846 с.
8. **Новый иллюстрированный энциклопедический словарь** / под ред. В. И. Бородулина [и др.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2005. – 909 с.
9. **Солганик, Г. Я.** Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения : ок. 6000 слов и выражений / Г. Я. Солганик. – М. : АСТ; Астрель, 2002. – 749 с.
10. **Социологический словарь** / сост. А. Н. Елсуков, К.В. Шульга. – Минск : Университетское, 1991. – 528 с.
11. **Тань, Аошуан.** Китайский концепт души, или история о забытой душе / Аошуан Тань // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М. : Знание, 1999. – С. 295–302.

Cherednichenko V. M.

Lexicographic Representation of the Concept Color in Chinese and Russian Dictionaries

This article discusses the meanings of the lexeme «color» in the dictionaries of the Chinese and Russian languages, as well as the semantic differences in the words of color designations in two linguistic cultures, the lexicographic features of color in different system languages are studied.

Key words: Chinese, Putonghua, concept, coloronyms, color.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 821.133.1-31.09:929Гавальда

Грицкова Наталия Викторовна,

канд. пед. наук,

доцент кафедры романо-германской филологии

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

interpreter912@gmail.com

Бережная Анна Дмитриевна,

магистрант 2 курса Института филологии

и социальных коммуникаций ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,

программа магистратуры «Зарубежная филология.

Французский язык и второй иностранный язык (английский)»

berezhanj@gmail.com

Языковой код как основополагающий аспект идиостиля автора

В данной статье рассмотрены и обобщены существующие сведения о феномене идиостиля; предпринята попытка составить комплексный анализ языковых средств, художественных приёмов и композиционных особенностей идиостиля современной французской писательницы Анны Гавальда на примере романа «Глоток свободы».

***Ключевые слова:** идиостиль, современная французская проза, языковые средства, особенности художественного дискурса.*

Актуальность работы обусловлена повышенным исследовательским интересом к вопросу идиостиля, а также недостаточной разработанностью данной темы. Очевидно, что отправной точкой исследования произведений автора становится определение его идиостиля. На сегодняшний день существует ряд определений данного феномена. Прежде всего стоит отметить, что формирование определения «идиостиль» берёт своё начало в работах А. И. Ефимова. «Характерная для писателя манера выбора и употребления слов», «индивидуальная система построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется при создании художественных произведений» – такое определение даёт автор [2, с. 166].

Согласно узколингвистической точке зрения, идиостиль – это «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя» [5, с. 95]. С точки зрения коммуникативной стилистики, идиостиль следует рассматривать как «творческую индивидуальность автора». В широком смысле идиостиль может пониматься как «творческая индивидуальность плюс языковые средства её выражения» [4, с. 9]. Как мы видим, каждое из перечисленных определений характеризует феномен идиостиля с точки зрения тех или иных доминантных характеристик, поэтому сложно выделить единственно верную дефиницию.

Поскольку целью данной статьи является выявление особенностей идиостиля французской писательницы Анны Гавальда, мы предлагаем альтернативный термин, обобщающий существующие подходы к определению идиостиля, с опорой на который будет осуществляться дальнейшее исследование. Таким образом, идиостиль – это система авторского понимания действительности, отображенная в эксплицитном и узнаваемом коде языка произведения, для которого характерна совокупность специфических языковых единиц, художественных методов и приёмов, формирующих инвариантный личностный смысл автора. Мы будем понимать языковой код как основополагающий аспект понятия «идиостиль» и придерживаться той точки зрения, что, несмотря на вариативность индивидуального писательского стиля автора, во всех его произведениях будет прослеживаться структурообразующая основа, инвариантная, определяющая суть идиостиля автора. Любое художественное произведение – это, прежде всего, текст. Текст, в свою очередь, – это любой «связный знаковый комплекс» [1, с. 47].

В первичном смысле текст является лингвистическим феноменом, содержащим в себе различные коды. Буквально, любая лексикализованная информация представляет собой определённый код. В контексте культуры основными функциями текста является передача информации и порождение новых смыслов. Интерпретация идейного замысла и содержания художественного произведения осуществляется путём реконструкции читателем комплекса авторских кодов, которыми насыщен текст. Таким образом, в данном исследовании под кодом мы понимаем способ репрезентации содержательной стороны текста посредством лексических, синтаксических и других текстовых единиц, путём интерпретации которых читатель, основываясь на собственных знаниях и ранее приобретенном опыте, раскрывает авторский замысел. В свою очередь, единицы текста являются элементами кода, содержащими ту или иную информацию. Коды напрямую связаны с опытом читателя: при знакомстве с произведением он будет оперировать знакомым ему кодом.

Индивидуальный стиль писателя определяет, таким образом, авторскую свободу выбора средств художественной выразительности для создания необходимого эффекта, который раскрывал бы в полной мере авторскую задумку в рамках конкретного произведения. Идиостиль Анны Гавальда мы можем рассматривать с разных точек зрения, опираясь не только на константные и переменные признаки, но также индивидуально-авторские особенности стиля, варианты отступления от традиционного повествования, нестандартного фабулярного сюжета – непосредственно всего, что формирует индивидуальный авторский стиль писательницы.

Анна Гавальда – популярная французская писательница, которая является одним из самых читаемых авторов современной прозы. Многие из её работ отмечены литературными премиями. Герои произведений А. Гавальда – результат вдохновения писательницы. Она пишет о тех, кто вдохновляет её, и наделяет своих героев максимально реалистичными чертами. Они говорят «реальным языком», часто используя жаргонную и просторечную лексику. Это делает образы героев подлинными, что подтверждает особую наблюда-

тельность писательницы и обращение к настоящим, живым эмоциям без использования клише. Героев А. Гавальда сложно охарактеризовать в рамках сравнительного анализа антагонистов и протагонистов, потому что в каждом персонаже, которого создаёт Гавальда, содержатся в равной степени положительные и отрицательные черты, что, буквально «очеловечивает» их, делая похожими на реальных людей. Данный тезис мы можем подтвердить посредством анализа образов в рассказе «Глоток свободы» («L'Échappée belle») [6].

Можно сказать, что характеры её персонажей продиктованы обширным жизненным опытом: А. Гавальда обучалась в Сорбонне и в студенческие годы немало поработала – официанткой, кассиршей, журналисткой; в это же время принимала участие в литературных конкурсах («Лучшее любовное письмо»). Первая книга писательницы состояла из новелл, сущность которых в изображении обыденности жизни, скрывающей в себе бесконечное множество приятных моментов, формирующих ценные для героя воспоминания. Каждая новелла – незатейливая история, неожиданно оборачивающаяся трагедией либо счастливым клиффхэнгером.

Многочисленные рассказы и романы Анны Гавальда объединяет не только спектр общих тем, но также язык, к которому обращается писательница при создании своих работ. Речь идёт, прежде всего, об упрощённом коде письма. Мы можем рассматривать разговорную речь как базовый параметр идиостиля писательницы. В основании смыслового содержания текста лежит прагматическая установка автора, интерпретация которой может быть осуществлена посредством установления значения отдельных языковых единиц [3, с. 131].

Учитывая то, что репрезентация идиостиля осуществляется посредством единиц текста, относящихся к различным языковым уровням, мы можем выявить и рассмотреть языковые средства (варианты разговорного дискурса), используемые Анной Гавальда в произведениях. Обратимся к примерам синтаксических проявлений разговорной речи в романе «Глоток свободы». «Бедные мы, бедные. Или нет – просто трусы. Ну почему мы такими уродились, все четверо?!» («Pauvre de nous. Si laches, si laches... Pourquoi sommes-nous ainsi tous les quatres?») [6, с. 13] – в данном примере мы наблюдаем членение единой мысли на более мелкие синтаксические конструкции. Первое предложение не полное, в нём отсутствует подлежащее, при этом мысль не утрачивается. Повторение слов «si laches» есть лексическое проявление разговорной речи, способ акцентуации мысли.

В другом примере ярко проявлена бессистемность разговорной речи: «Не веди так быстро... Заблокируй двери, скоро платить за дорогу... Слушай, я велела ехать медленно, но не двадцать же километров в час!.. Ты уверен, что взял правильную карту?» («Ne roule pas si vite. Verouille-nous, on s'approche de réage. Je n'ai pas dit vingt à l'heure quand meme. Tu est sur d'avoir pris la bonne carte ?») [6, с. 36]. Данная реплика раскрывает не только нетерпеливый и тревожный тип личности героини романа, но и отображает хаотичность мыслительного и, следовательно, речевого потока, который повсеместно присутствует в реальной разговорной речи.

Неполные предложения как один из вариантов разговорного дискурса появляются не только в диалогической речи, но и в монологической. Роман

«Глоток свободы» написан от первого лица (от лица одной из сестёр), и с целью дополнить диалогический поток биографическими сведениями, не отступая от выбранного стиля повествования, автор пересказывает биографию одного из своих родственников тезисно – с помощью перечисления. «Адвокаты, слёзы, шантаж, бессонные ночи, усталость, отказы, комплекс вины, горе одного против горя другого, ненависть, взаимные обвинения, суд, борьба семейных кланов, апелляция, удушливая атмосфера и попытки пробить лбом стену» («Avocats, pleurs, chantage, chagrin. Nuits blanches, fatigue, renoncements, culpabilité, douleur de l'un contre douleur de l'autre, agressivité, attestations, tribunal, clans, appel, manque d'air et front contre le mur») [6, с. 39]. Выбор данной грамматической конструкции (назывные предложения, состоящие из одного члена, выраженного существительным) не случаен. Посредством парцелляции автор доносит до читателя идею о скоротечности жизни, которая в конечном счёте остаётся вспышками (тезисами) в биографии человека.

В обозначенных примерах нет сложных оборотов речи, мысль простая, задающая образ у читателя, подобно рассказу в рамках реального разговорного дискурса, кратко и точно объясняющего суть происходящего и здесь же – эмоциональный отклик говорящего (то, что на что он обратил внимание, что его впечатлило и т. п.). К вопросу об эмоциональном отклике добавим, что реплики разговорного дискурса часто субъективны и содержат вставные конструкции разного рода, например, наречия (*assurément, incontestablement, évidemment*), соединительные союзные конструкции (*autant que je sache, comme je le crois*), а также наречные конструкции (*selon moi, après moi, pour moi, à mon avis*).

Интерпретация художественной разговорной речи – это процесс, практически не подвергающийся строгой систематизации, поскольку смысл фраз всегда зависит от контекстуального фона. Например, отрывок из диалога главных героев романа А. Гавальда: « – Je croyais, que c'était votre ami. / – C'est mon ami.» (– Я думал, это ваш друг. / – Это мой друг.) [6, с. 48]. С помощью контекстуального фона мы сможем понять «межстрочную» смысловую нагрузку реплики «C'est mon ami», которая, в свою очередь, может выражать спектр эмоций: грусть, разочарование или же стыд. Мы не предполагаем в данном случае эмоции гордости, радости или восхищения, поскольку для экспрессии такого рода применяется характерная пунктуация (знак восклицания, троеточие).

Таким образом, мы можем сделать вывод о лексико-стилевой неоднородности, присущей разговорному дискурсу романов Анны Гавальда, которая подчинена главной задаче писательницы – установить тесную связь между произведением и читателем. Широкое использование диалогических конструкций, упрощённый код письма являются основными параметрами идиостиля Анны Гавальда. Языковая личность автора является ключом к пониманию его художественного творчества. Авторская мысль фиксирует в произведении различные аспекты авторского индивидуального стиля, проявляющегося в тексте, продукте его речемыслительной деятельности, отображающем его мировосприятие. Всестороннее исследование художественного текста в его дискурсивной направленности на читателя позволяет моделировать раз-

ностороннюю личность автора, находящуюся за текстом. В работах Анны Гавальда в полной мере раскрывается искусство ведения диалога, проявляющееся в воссоздании полноценной гаммы разговорной речи. К ним можно отнести следующие черты: спонтанность, простота, конкретность, отсутствие предварительного выбора языкового материала. Каждый из указанных критериев – результат тщательного подбора автора с целью создания специального эффекта непринужденности разговора. Перспектива дальнейшего исследования заключается в продолжении изучения феномена идиостиля на основе творчества современных французских прозаиков.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 300 с.
2. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 166 с.
3. Короткова, М. О. Художественный текст как коммуникативное пространство / М. О. Короткова // Сборник Межвузовской научно-практической конференции «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований». – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017. – С. 120–124.
4. Сивкова, А. В. Идиостиль Н. В. Гоголя в аспекте лингвокогнитивной поэтики (на материале произведений «Ночь перед Рождеством» и «Мертвые души») : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Сивкова. – Калининград, 2007. – 19 с.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 95 с.
6. Gavalda, A. *L'échappée belle* / A. Gavalda. – Paris : AST, 2009. – 50 p.

Gritskova N. V.,
Berezhnaya A. D.

Language Code as a Fundamental Aspect of the Author's Idiostyle

This article examines and summarizes the existing information about the phenomenon of idiostyle; it also contains an attempt to make a comprehensive analysis of the linguistic means, literary techniques and compositional features of the idiostyle of Anna Gavalda, the modern French writer, based on the novel «L'Échappée belle».

Key words: *idiostyle, modern French prose, linguistic means, features of artistic discourse.*

Ли Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ekaterina.li.93@mail.ru

Становление японской литературной традиции от Античности до Нового времени

В данной статье была рассмотрена история становления японской литературной традиции, раскрывается процесс раннего развития письменности и литературы в Японии, зарождение первых эпических жанров, летописаний, письменных художественных источников, а также особенности их формы и содержания.

Ключевые слова: история, летопись, антология, записки, жанр.

Японская литература имеет богатую историю и считается одной из ведущих литератур в мире, вследствие чего вызывает неподдельный интерес со стороны исследователей-востоковедов. Литература представляет собой чрезвычайно изменчивое и необычайно богатое культурное наследие японского народа, которое включает в себя множество жанров, где каждый служит отражением своего времени.

Как известно, свою историю японцы хронологически упорядочивают по китайскому образцу. В Стране восходящего солнца данная система носит название нэнго («эпоха»), поэтому, следуя ей, историю делят на отрезки по годам правления императоров.

Каждая из эпох не была похожа на предыдущую, так как они отражали внутреннее состояние страны и восприятие гражданами картины мира. Одни из них благоволили к созданию эстетически прекрасных произведений в различных сферах искусства, другие – сосредоточились на боевых действиях, что привнесло больше развития в политическую сферу, но, несмотря на это, искусство приобрело более жестокое и реалистичное изображение. Как следствие, эпохи показывают новые события и имена героев, пополняя национальную сокровищницу значимыми произведениями [1, с. 86].

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать становление японской литературной традиции от Античности до Нового времени.

История японской литературы берет свое начало с «Кодзики» – «Записки о древних деяниях» и «Нихон Сёки» – «Анналы Японии». Содержание этих летописно-мифологических сводов представляется весьма похожим, во всяком случае, их тематика и общее предназначение характерны для всех времен и государств: стремление находящихся у власти лиц увековечить незыблемость и законность их правления, а также засвидетельствовать основные этапы государственного образования, сформировать историческую цепь, которая обеспечила бы стабильность и преемственность укоренившихся порядков [4, с. 54].

Создание сводов пришлось на период Нара во времена грандиозного культурного проектирования и строительства, когда японская культура только начала складываться и обретать свою индивидуальность. Спустя несколько десятилетий появляется выдающийся памятник народной и авторской поэзии – «Собрание мириад листьев».

Сборник является не только памятником японской литературы, но и памятником жизни японского народа. В стихах и песнях антологии высказаны мысли и думы японцев, выражены их надежды, чувства, ожидания, мечты и радости. В них затронуты все слои общества того времени: от обычного дровосека до великого императора [5, с. 99].

После выхода сборника отношение к песни и поэзии значительно изменилось. Во-первых, песня стала отождествляться как поэзия, как мастерство, во-вторых, она перестала быть продуктом бесцельного импульса, обрела цель – произвести впечатление. Эти два обстоятельства кардинально изменили саму природу творчества: песня стала стихотворением, поэзия – искусством.

В XI веке (эпоха Хэйан) была создана японская слоговая азбука, что послужило толчком изображения жизни японской аристократии.

Начало этой линии положила «Повесть об Исэ», которая представляет собой сборник из 125 новелл, в каждой из которых присутствует лирическая часть. В основе сюжета – любовные похождения молодого выходца из семьи кугэ (японской аристократии). Уже здесь наблюдается зарождение того, что в дальнейшем станет характерным для придворной литературы: центральное положение занимают любовные переживания героев, стихи вплетаются в прозу, на все налагается отпечаток лиризма.

Все эти черты получили полное и яркое выражение в одном из наиболее значимых и выдающихся романов японской литературы – «Повесть о блистательном Гэндзи». Детальное описание быта и жизни придворной аристократии, история принца и его многочисленных любовных походов, затем переломный момент, отображающий влияние кармы, одного из основных понятий в буддизме. К концу романа все яснее прослеживается идея бренности, обреченности всего окружающего. Именно в эту эпоху Сэй Сёнагон создает свои знаменитые «Записки у изголовья». Автор, фокусируясь на личности человека, превратила его в «магический кристалл», через который преломляется многообразие окружающих явлений. Личность становится «мерой» вещей, явлений, обычаев [7, с. 244].

В хэйанскую эпоху произведения пусть и большей частью фокусировались на жизни аристократии, все же не забывали и о простом народе, о чем свидетельствует сборник «Стародавние повести», принадлежащий к повествовательной литературе. Один из его разделов посвящен Индии, другой – Китаю, третий – собственно Японии. В каждом из рассказов раздела речь идет о каком-либо происшествии, часто необыкновенном, фантастическом. Героями выступают люди из различных слоев общества – придворные, ремесленники, монахи, разбойники. Одни рассказы излагают буддийские легенды, другие посвящены «житейским делам» [4, с. 269].

В XII–XIII веках широко развивается эпическое творчество. Странствующие певцы бродили по всей стране, исполняя свои сказы и аккомпанируя

себе на струнном музыкальном инструменте бива. Постепенно данные рассказы объединились в циклы и были записаны в монастырях. В основу этих сказаний легли события феодальных войн, прежде всего борьбы Тайра и Минамото.

Именно эти сказания впоследствии стали родоначальниками жанра гунки, где основным сюжетом является война, а героями – ее деятели. Повествование строится так, что две главные идеи выступают как выражения законов мира: идея брэнности, непорочности существования и гибельности стремления к власти, не имея на нее прав.

Спустя некоторое время, когда страна устала от нескончаемых сражений, Кэнко-хоси создает крупнейшее прозаическое произведение XIV века – «Записки от скуки». Книга состоит из двухсот сорока пяти отрывков (дан), разнообразных по содержанию: это и рассказы о событиях минувших дней, размышления о людях, их нравах и обычаях, о старых и новых временах, наблюдения за природой.

С наступлением эпохи Муромачи литература приобретает упаднический характер. Место серьезных произведений занимает юмористический жанр кёгэн, представляющий собой небольшие зарисовки на повседневные темы. Развиваются поэтические жанры: изобретается рэнга (производный стих), хайку приобретает более широкую известность и превозносится как жанр.

Появляется также литература отоги-дзоси, которая отражает переход от аристократической литературы к городской. Рассказы очень разнообразны по характеру, стилю, здесь и легенды, и сказки, и рассказы об исторических событиях, и рассказы, пародирующие «высокие» произведения.

Период Муромачи сменился в японской литературе временем расцвета художественного творчества и всех отраслей науки – периодом Эдо. Именно в этот период состоялось важнейшее событие для всей литературы – введение книгопечатания, что способствовало широкому ее распространению.

Произведения, появившиеся в первые годы эпохи Эдо, получили названия кана-дзоси. Свое название они получили из-за того, что были записаны каной (японская слоговая азбука), а не иероглифами. Исторически кана-дзоси можно назвать мостом от средневековых повестей йотоги-дзоси к жанру укиё-дзоси, основанному Ихарой Сайкаку.

Ихара Сайкаку в своих произведениях настойчиво пытался показать стремление человека к свободе. Следует сказать, что Япония XVII века вообще характеризовалась резкими контрастами. Разорённые дворяне все еще пытались сохранить достоинство, тогда как купцы, не обладающие политическими правами, наживали состояния, горожане, стеснённые рамками, искали возможность выплеснуть свои чувства. Молодые люди верили, что смогут выбраться из пут и найти желанную свободу в неограниченном проявлении чувственности, в разгуле [6, с. 253].

В первом же прозаическом произведении «Мужчина, предавшийся любовной страсти» Сайкаку изобразил картины жизни «веселых кварталов», написал портрет героя своего времени. Следом Сайкаку создал тип предприимчивой обитательницы «веселых кварталов» в своей повести «Женщина,

несравненная в любовной страсти». Впервые в японской литературе раскрываются мысли и чувства женщины, которую бедность толкнула на путь продажной любви. Сайкаку разворачивает широкую картину жизни феодальной Японии, вскрывает разъедающие пороки, изображая их с откровенной насмешкой и осуждением.

На протяжении столетия – с 1700 года и до конца периода Эдо – в Японии было создано множество беллетристических произведений. Для их обозначения использовался единый термин – гэсаку, что в переводе значит «несерьезное», шуточное представление. В большинстве своем они носили комичный характер, демонстрируя явное намерение рассмешить читателя, хотя некоторые авторы и относились к своим произведениям достаточно серьезно. Однако новое поколение уже относилось к ним с пренебрежением, так как считали, что данный жанр литературы не заслуживает траты времени.

Огромным успехом в то время пользовались произведения Фукудзавы Юкити, который вместо традиционных учений буддизма и конфуцианства, предлагал воспользоваться «знаниями» Запада, излагая их в своих сочинениях «Все о странах мира», «За прогресс науки», «Общие сведения о цивилизациях».

В начале 80-х годов студенты то и дело устраивали митинги, принимали участие в демократических движениях, открывали в литературе способности утверждения «равенства и свободы». Сначала появились переведенные политические романы, затем отечественные романы. Первый оригинальный роман Тода Киндо вышел в 1880 году под заголовком «Буря на море чувств. Рассказ о народных правах» [2, с. 367].

Однако в конце 80-х после поражения движения за свободу политический роман быстро сошел на нет. По мере того, как развеивались иллюзии, проходил утилитарный взгляд и все больше открывалась ценность и самобытность литературы, взгляды на перевод тоже изменились. С одной стороны, желание следовать традициям прошлого – смешить читателей, с другой – вера в освободительную миссию европейской культуры, приверженность политическим трактатам и романам.

С наступлением XX века Япония переживает послевоенную глобализацию, начинается популяризация американской культуры. Приход в Страну восходящего солнца американских комиксов стал толчком к созданию такого жанра, как манга (японские комиксы). Еще одним необычайно популярным жанром литературы Японии на сегодняшний день является – ранобэ (сокращение от японского райто-нобэру, которое в свою очередь произошло от двух английских слов «light» и «novel»). Это иллюстрированные книги в мягких обложках, чаще ориентированные на молодую аудиторию. Они написаны легким, разговорным языком, и часто такие произведения получают печатное издание, как только они получают достаточное количество хвалебных отзывов под публикацией в социальной сети.

Таким образом, можно сказать, что все стороны японского искусства так или иначе созданы с оглядкой на особые, понятные только самим японцам принципы эстетики. Они помогают японцам в гармонизации чувств и мыслей, в ощущении природы, в сохранении спокойствия. Перспективы дальней-

ших исследований мы видим в изучении характерных особенностей отдельных периодов японской литературы.

Список литературы

1. **Гаспаров, М. Л.** Литературный интертекст и языковой интертекст / М. Л. Гаспаров // Известия АН. Серия: Литература и язык. 2002. – Т.61. – № 4. С. 123–128.
2. **Григорьева, Т. П.** Японская литература XX века / Т. П. Григорьева. – М. : Художественная литература, 1983. – 416 с.
3. **Идзу Тосихико.** История современной японской литературы / Тосихико Идзу; пер. с яп., ред., коммент. Н. И. Конрад. – М. : Издательство иностранной литературы, 1961. – 431 с.
4. **Ильин, И. П.** Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты / И. П. Ильин // Проблемы современной стилистики. – М. : Наука, 1989. – С. 186–207.
5. **Понаморёва, Ю. В.** Аниме как отражение японской культурной идентичности / Ю. В. Понаморёва. – Текст: непосредственный, электронный // Молодой ученый, 2015. – № 9 (89). – С. 1298–1300.
6. **Эрнест фон Гессе-Вартег.** Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии / Эрнест фон Гессе-Вартег. – М. : Издание А. Ф. Девриена, 1980. – 324 с.

Li E. S.

The Formation of Japanese Literary Tradition from Antique to the Early Modern Period

This article examined the history of the formation of the Japanese literary tradition, reveals the process of the early development of writing and literature in Japan, the emergence of the first epic genres, chronicles, written artistic sources, as well as the features of their form and content.

Key words: history, chronicle, anthology, notes, genre.

УДК 821.512.161-31.09:929Кемаль

Пантыкина Наталья Игоревна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
pantykina.natalia@yandex.ru

Женские образы в романе турецкого писателя Орхана Кемалья «Брошенная в бездну»

В статье рассматриваются женские образы в турецкой культуре на материале романа Орхана Кемалья «Брошенная в бездну». Автор путем анализа литературных произведений турецкого писателя показывает, как отличаются женские персонажи, и как жизненные обстоятельства влияют на их судьбу. Приводятся многочисленные примеры, объясняются причины, по которым положение женщин внутри романа «Брошенная в бездну» сильно меняется, что подталкивает их к тому или иному действию.

Ключевые слова: турецкая литература, роль женщины, общество, роман, судьба.

На протяжении многих десятилетий проблема роли женщины анализируется турецкими писателями с точки их взаимосвязи с мужчиной, при этом прослеживается эволюция восприятия женщины в обществе. В своих исследованиях М. Нарлы, С. Чоноглу и Б. Кантер подчеркивают, что писатели обнаружили связь между телом и личностью в женских персонажах и описывают данное явление в каждом своем произведении [5]. Одним из таких писателей является Орхан Кемаль, который изображает женщину в разных аспектах, чтобы всецело раскрыть ее характер.

Целью данной статьи является анализ женских образов в произведении «Брошенная в бездну» Орхана Кемалья.

Стоит начать с того, что О. Кемаль является одним из величайших писателей-социалистов современной турецкой литературы. Будучи писателем, родившимся в начале XX века, он отстаивает свои мысли и передает литературный язык, который до сих пор существует своим словом и акцентом.

О. Кемаль родился в Адане 15 сентября 1914 года. В своих произведениях он описывает социальный реализм, отношения между личностью и обществом, обычными и маленькими людьми, застрявшими в суете повседневной жизни, простым и понятным языком, который могут понять и простые обыватели. Писатель, настоящее имя которого Мехмет Рашит Огютчу, начал свою литературную жизнь с поэзии. Тот факт, что его отцу угрожает опасность быть убитым за издание газеты, и то, что Кемаль бросил школу, возможно, является первым примером социальной реальности, которую он когда-либо видел. После недолгой жизни в Сирии и Ливане писатель вернулся в родной город Адану, где работал разнорабочим, клерком и государственным служащим. Он был заключен в тюрьму в 1939 году за коммунистическую пропаганду своими стихотворениями. В тюрьме Бурсы он встретил великого поэ-

та Назыма Хикмета. Когда Хикмет резко критикует стихи Орхана Кемалья и спрашивает, почему он пишет вещи, которые не кажутся искренними, перо Кемалья теперь обращается к истории, а именно к прозе. Писатель был освобожден из тюрьмы в 1943 году, он вернулся в Адану и работал на разных работах. Автор, опубликовавший свои первые рассказы под псевдонимом Рашит Кемаль, был выбран читателями журнала «Varlık» в 1945 году как «самый уважаемый рассказчик». В последний период своей жизни он был приглашен Союзом писателей Болгарии и Румынии и уехал в Софию. Здесь 2 июня 1970 года он скончался от кровоизлияния в мозг [6].

Исследователь М. Нарлы отмечает, что О. Кемаль, как один из важных имен соцреалистического искусства и литературы, пишет свои произведения не только для того, чтобы показать причины беспорядочного порядка, или чтобы предупредить людей, но и заставить их восстановить свой нарушенный порядок [5].

Если говорить о романах автора, то в них писатель показывает то, что женщина находится под давлением мужского авторитета; женщина находится под эксплуатацией влиятельных и финансово состоятельных мужчин. О. Кемаль, который не идет на компромисс со своим социальным реализмом, также обращает внимание на эксплуатацию в отношениях между мужчинами и женщинами. Например, в романе «Отцовский дом» речь идет об авторитарном отце, экономических неурядицах, женщинах, занимающихся сексом с мужчинами за деньги, нищете и переживаемом отчаянии. В произведении «Особняк госпожи» женщина – сексуальный объект, а мужчина – ее хозяин. Тот, кто будет вводить ограничения в отношении женщины, тот и является «хозяином». «Бренный мир» – это роман, в котором рассказывается о коррупции и разложении в обществе через молодую девушку. Главная героиня романа Нериман строит планы прославиться, чтобы вырваться из-под ига социальной несправедливости. Чтобы сбежать от своего отца, который является фигурой угнетения, она влюбляется в мужчину, но эта любовь означает другое подчинение. И здесь женщина – объект, а мужчина – ее субъект. Проанализировав данные произведения, можем сказать, что жизнь женщин представляет собой тяжелое бремя и они вынуждены работать из-за своих экономических и социальных проблем [6]. О. Кемаль включает в свои романы героев угнетенных, подвергшихся несправедливости и насилию. Среди жертв романного мира женщины занимают важное место.

В романе «Брошенная в бездну» рассказывается трагическая история семьи, а также раскрывается, как женщины, подвергшиеся насилию, испытывают физическую и моральную боль. В череде событий, в которых герои романов жестоко обращаются друг с другом из личных интересов и целей; главное в романе – это все-таки точка конфликта между женщинами. Все начинается с конфликта между невесткой и свекровью. Как отмечает М. Нарлы, сделавший всесторонний обзор романов О. Кемалья, автор стремится показать, как этот традиционный конфликт, занимавший важное место в турецком популярном романе со времен Х. Рахми, может привести к плохим последствиям в семье [5]. События, которые начинаются с обнаружения женского тела, выброшенного на берег, в романе развиваются воспоминаниями. Драматическую

историю жизни этой женщины, чье тело было найдено, читатель узнает от писателя-рассказчика. Как и то, что жестокая свекровь в романе Хаджер-ханым – ревнивая и коварная женщина, нашла утешение благодаря своему сыну, которого она вырастила в бедности и бедствии [5]. После того, как ее сын женится, Хаджер становится жестокой, чтобы защитить свою власть дома, и здесь выделяется как отрицательный и отвергнутый тип женщины в романе, которая готовит плохую судьбу своей невестке. Горькая жизнь Хаджер привела ее ко злу, и эта женщина превратила жизнь другой женщины, а именно своей невестки Назан, в ад. События повествовательной системы развиваются вокруг трагической жизни Назан, которая протекает в виде череды катастроф. Назан, женщина-жертва из повествования, бродит в неясных условиях и «попадает в болото», как и все болезненные люди, разделяющие ту же судьбу жертвы, когда она входит в царство существования и разлучена со своим ребенком и мужем. С одной стороны, в романе отражено общее мироощущение общества, в котором живут люди, и их отношения, сформированные сплетнями и интригами; с другой стороны, конфликты в традиционной семейной структуре; отношения между невесткой-свекровью, матерью-сыном, мужем и женой и драматические результаты этих отношений. Женщин, которым трудно участвовать в жизни в беспорядочном порядке, «швыряют без защиты и над ними издеваются» [5].

Рассмотрим подробно женские образы в романе «Брошенная в бездну». Воспитанная в старых традициях, покорная и доверчивая Назан считает, что во всем должна угождать мужу и его матери. Назан, которая не может привыкнуть к мужу, легко обманывается, сразу же верит в то, что говорят люди. Она является представительницей турецкой женщины эпохи становления Республики [1]. Она привязана к своему дому, к своей семье, ее единственная мысль состоит в том, чтобы делать домашние дела, готовить и хорошо заботиться о своем ребенке и быть хорошей женой для своего мужа: «Что же она натворила? Ведь тётя не раз говорила ей: Смотри, дочка, знай своё место, не надоедай мужу. Чем скромнее женщина, тем сильнее она привяжет к себе мужчину» [2, с. 27].

Муж Мазхар, который является адвокатом, мечтает о жене, которая будет встречать его по возвращении после работы домой, обнимать его за шею. Но Назан не может проявить таких сильных чувств к нему, потому что она застенчива и боится недоразумения. Главная героиня даже обращается к своему мужу на Вы: «*Это вы мне купили?... Прошу Вас, не идите!*» [2, с. 21]. Хотя это беспокоит Мазхара, он все еще любит свою жену. Но в противостоянии между двумя женщинами он оказывается слабым и глупым. И находит утешение в объятиях другой женщины.

Главной героине противостоит свекровь, женщина, которая всю свою жизнь построила на связях с мужчинами. Она ставит себе целью любой ценой выгнать невестку из дома. Хаджер-ханым не считает Назан достойной своего сына: «*Как поживает? Да как она может поживать? У таких женщин всегда полно хлопот! Есть дела, нету дел, всё одно. Мечется без толку из угла в угол. Да все её дела не стоят и ломаного гроша! Неряха! Грязнуля! Вынесет помойное ведро и тут же грязными руками берётся лук чистить, рис перебирать и нос всегда рукой утирает... Горе, а не хозяйка!*» [2, с. 19].

Отметим, что в романе появляется Нериман, которая известна как Жале. В ее жизни идет борьба с социальной судьбой и силами, превосходящими ее. Ущербный менталитет, подготовивший Назан к падению, ее безоговорочное принятие навязанной ей роли и ее чистая личность полностью перевернуты в этой женщине. Она близка к тому типу женщин, которые «снисходительны к своей независимости, заботятся о своих интересах, не принимают личность, которую ей наделили мужчины, и поэтому пугают мужчин» [4, с. 231]. Эта вымышленная личность в текстах писателей-мужчин упоминается как «чудовищный» женский тип, потому что она подчеркивает свою свободу и индивидуальное существование, время от времени получает прославление [4]. Устав от беспомощной Назан, Мазхар прославляет эту чувственную красавицу и привязывается к ней, а так как хочет на ней жениться, то не колеблясь противостоит сначала матери, а потом и всему обществу. Нериман представляет «личность(и) по отношению к себе» [4, с. 172]. Нериман рассталась с мужем, потому что не смогла найти страстных отношений, к которым стремилась в первом браке. Мужчина, боявшийся обидеть даже маленького муравья, относился к нему как к слуге или даже как к товару, а женщина, заявившая, что она по натуре свободный человек, любящий открытость, в конце концов вышла из дома, но увидела, что дверь дома ее отца тоже была закрыта, когда она вернулась [4]. Нериман не воспринимает эту ситуацию, сделавшую ее барменшей, как падение; она прямо и без колебаний заявляет, что падение – вещь произвольная и что она вступила в эту жизнь добровольно [4]. Однако, Нериман тут же признается, что «прожила жизнь, которой совсем не хотела, и что она молча плакала, возвращаясь ночью домой» [4, с. 67].

Нериман, которая выделяется как предложенный в романе тип женщины в некотором смысле, как будто создана для того, чтобы показать пример того, что женщина может справиться с нездоровым социальным укладом своим умом и волей, что она может жить согласно ее желаниям даже в коррумпированном порядке. Другими словами, для Нериман ее выбор «быть собой» не стал причиной упадка или трагедии, как ожидалось. Недостаток в том, что, рисуя этот женский тип, как и других вымышленных персонажей, писатель конструирует субъект только через сексуальные чувства. Субъективность имеет место, когда она считается многомерной, и только тогда может возникнуть здоровая личность [6].

В своем романе «Брошенная в бездну» О. Кемаль конструирует межличностный мир и роли мужчин и женщин в соответствии с известными моделями и представлениями. Как видно из реальной жизни, Назан не может быть личностью с ее пассивной, замкнутой, наивной и послушной позицией в вымышленном мире романа. Женщины, которым удастся быть «подданными», также ищут себе уголок для своего существования в мире, прибегая к различным уловкам и интригам. Тот факт, что Нериман, сумевшая подняться при падении своей решительной и волевой позицией в романе, позиционирует свою субъективность в тени уважаемого мужчины, чтобы подняться, ясно раскрывает положение женщины. В то время, как романист показывает в лице Нериман, что женщины с силой воли нужны для исправления коррумпированной системы. Хотя воля Нериман к возвышению позволяет сделать вывод,

что такие сильные женщины необходимы для улучшения критикуемого общественного порядка, попытка реализовать субъективность этой женщины только через сексуальные желания не соответствует реальности мужчины/женщины. Эта ситуация, негативно влияющая на реальность героев романа, не подходит для внутреннего мира человека, который, как известно, чрезвычайно сложен и многомерен [4]. Что касается Хаджер, то она «преуспела» в ненависти и лицемерии, а ее сын – во лжи и прелюбодеянии. Ведь Мазхар нарушил святость брака с Назан, позволил оклеветать супругу и пал ниже, чем все остальные герои. Таким образом, писатель пытается привлечь внимание государства и общества к данной проблеме и найти пути ее решения [1].

Таким образом, О. Кемаль представил нам вымышленную историю, которая раскрыла трагедии женщин и препятствия, стоящие перед ними в неспособности сконструировать свою субъективность, и показал, что изменение сознания необходимо совершить в тот момент, когда даже в самой непростой судьбе есть возможность для счастливых перемен.

Список литературы

1. **Йылмаз, Э. Р.** Отражение нравственно-этической проблемы в свете положения женщин в турецком обществе XX века (на примере романа Орхана Кемалю «Брошенная в бездну») / Э. Р. Йылмаз, Д. И. Баширова // Тюркологические исследования. – 2021. – №4(1). – С. 47–56.
2. **Кемаль, О.** Брошенная в бездну / О. Кемаль; пер. с турец. С. Стеркина, Ю. Плотников. – М.: Гиперион, 2011. – 78 с.
3. **Kemal, O.** El Kızı / O. Kemal. – Istanbul: Everest Yayınları, 2012. – 398 s.
4. **Moran, B.** Edebiyat kuramları ve eleştirisi İstanbul / B. Moran. – Istanbul: Cem Yayınevi, 1994. – 320 s.
5. **Narlı, M.** Orhan Kemal'in romanları üzerine bir inceleme / M. Narlı. – Ankara: T. C. Kültür Bakanlığı, 2002. – 325 s.
6. **Sosyalist yazar Orhan Kemal ve hayatına çok boyutlu bir bakış** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://listelist.com/orhan-kemal-hayati/html>, свободный. (Дата обращения: 15.08.2022 г.).

Pantykina N. I.

Female Images in the Novel of the Turkish Writer Orhan Kemal «El kızısı»

The article deals with female images in Turkish culture based on Orhan Kemal's novel «El kızısı». The author, by analyzing the literary works of the Turkish writer, shows how female characters differ and how life circumstances affect their fate. The examples are given, also the reasons why the position of women in the novel «El kızısı» changes greatly are explained.

Key words: Turkish literature, role of woman, society, novel, fate.

Сотникова Юлия Владимировна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
zaychenkoyulia99@gmail.com

Жанровая характеристика англоязычных романов XX века

Данная статья посвящена изучению жанровой характеристики англоязычных романов XX века. Исследуются традиции и новаторство в творчестве английских писателей. Автор кратко освещает основные события социально-политической жизни Великобритании и их критическое осмысление в англоязычных произведениях.

Ключевые слова: роман, англоязычный роман XX века, реалистический роман, жанр.

Спецификой литературного процесса в Англии XX столетия является ее непрерывная связь с традицией XIX века, обращение к культурному и историческому наследию прошлого.

Целью статьи является анализ жанрового своеобразия англоязычных романов XX века.

Бесспорно, литература стремительно подвергалась изменениям, бурно развивалась в жанровом и литературном планах. Так, например, И. Б. Бачалова в развитии английской литературы выделяет два периода [2, с. 74]. Первый период охарактеризован поздним империализмом и охватывает временные рамки первой половины XX столетия – 1918–1945 годы. Это эпоха серийного конвейерного производства и тотального мышления, время научно-технической революции, когда радио и телевидение начали постепенно вытеснять литературу [2, с. 75]. Второй период берет своё начало в послевоенное время. С 1945 года появляются идеи радикальной демократии, формируется глобализация мировой экономики и «общество потребления». Внутри буржуазного общества присутствует масштабная перестройка [2, с. 77].

Литературоведы стремятся систематизировать и определить важнейшие виды романов: исторический, фантастический, семейный, служебный роман. Известны также религиозно-философский, академический, готический, постановочный типы романа, а применительно к английской литературе также принято говорить о так называемом католическом романе [5, с. 264].

Ученые отмечают, что «в начале XX века в английской литературе велись острые дискуссии об особенностях и задачах романа. В этот период он стал центральной разновидностью жанра в английской литературе, воплощая как традиции классического романа XIX века, так и стремление раскрыть основные проблемы своего времени» [5, с. 264].

В начале XX столетия английские исследователи А. Беннетт и М. Дрэбл заявили, что неправильно определять разновидность романа и

этим же самым ограничивать тематику произведений, противопоставляя роман семейный приключенческому, историческому и другим [5, с. 265].

Британские критики говорят о том, что не стоит ограничивать жанр романа, так как это препятствует его возможностям. По мнению ученых, литературные каноны постепенно пересматриваются, авторы все чаще отходят от стандартных форм и сюжетов. Так, А. Ли обосновывает тезис о том, что англичане постмодернистской литературы, несмотря на значительный пересмотр реалистической традиции, сохраняют с ней гораздо более тесную связь по сравнению с авангардной литературой других стран. В сознании англичан прошлое является, своего рода, идеальной моделью, которая должна способствовать всем значимым шагам и событиям настоящего времени [7, с. 74].

Важно отметить, что основным направлением, занимавшим главное место в литературе конца XIX – начала XX веков, был реализм, который охватил достаточно широкий круг известных писателей [1, с. 175].

Величайших представителей английского реалистического романа – Джона Голсуорси и Герберта Уэллса (при всем расхождении их точек зрения и творческих индивидуальностей) объединяло острое осознание того, что для Англии настали трудные времена. Они видели, как ухудшалось положение рабочего класса в начале XX в [1, с. 175].

В 1904–1915 гг. у Дж. Голсуорси появляются такие значительные романы, как: «Остров фарисеев», «Собственник», «Братство», «Фриленды», пьесы «Серебряная коробка», «Правосудие», «Борьба», «Толпа», в которых он показывает несправедливость, черствость и лицемерие британской колониальной политики [1, с. 176].

Несмотря на то, что реализм продолжает выполнять главную задачу – отражать различные формы человеческого существования и взаимозависимость этих двух элементов, все больше становится очевидным фактом, что при всей прижизненной популярности литературных талантов, реалистический роман реализовывался в XX веке по инерции. При этом реалистический метод в XX веке подвергся так называемой элиминации [1, с. 177].

Реализм как стремление к научному анализу мира и человека исходит из уверенности в познаваемости мира, из оптимистического убеждения, что слово является идеальным и объективным средством познания действительности, и что общественные пороки, найденные в слове, подлежат исправлению. Следует отметить, что Дж. Конрад поставил под вопрос принципы реализма, ведь действительность XX века разрушила основные убеждения реализма, а также веру в прогресс и исторический оптимизм. Сохранившаяся форма реалистического повествования стала восприниматься читателем как устаревшее явление [2, с. 77].

Все течения в европейской литературе, сформировавшиеся ко второй половине XX века, в английской беллетристике получили свое развитие, оформившись в определенном направлении. Это связано с неизменным обращением к прошлому, поиском подходящего соответствия в европейских и собственных литературных традициях. Этот факт связан с теми событиями, которые произошли в истории Британских островов – в послевоенные годы Британская империя прекратила свое существование, в связи с чем возник кризис национальной самоидентификации [4, с. 27].

Во второй половине XX века жанр романа претерпел множество трансформаций. По этой причине в современном литературоведении нет единого мнения о романе как жанре, о его особенностях и разновидностях; сомнительно определяется и гендерная специфика большинства литературных произведений второй половины прошлого века [5, с. 265]. Изучение английского романа в том виде, в котором он был сформирован в британской литературе второй половины XX века, не может считаться полным без учета феномена литературной традиции в творческих поисках ведущих авторов этого периода, таких как П. Акройд, Дж. Барнс, У. Голдинг, А. Мёрдок, Г. Свифт, Дж. Фаулз, К. Эмис, и т. д. Своеобразие национальной литературы того периода связано с особенностями национального менталитета, среди которого исследователи отмечают интерес англичан к реальным фактам и особое отношение к прошлому [4, с. 28].

Одной из разновидностей английского романа XX века стал социальный роман, появившийся в Великобритании в эпоху индустриальной революции как реакция на индустриализацию, социальные, политические и экономические движения. Жанровая специфика социального романа заключается в том, что это продукт Нового времени. Во-первых, он связан с развитием промышленного капитализма. Во-вторых, классический способ мышления показывает причинные связи между человеком и обществом, а также правилами социального развития [1, с. 180].

Социальный роман в английской литературе XX века нашел свое отражение в исследованиях М. Брэдбери, А. Гасиорека, С. Коннора, и других авторов [1, с. 182]. Так, модернистами 20-х годов были взяты на вооружение философские и эстетические теории, связанные с кризисом буржуазной культуры, который обострился после первой мировой войны. Эти теории послужили основой модернизма и после второй мировой войны [4, с. 28].

Один из выдающихся русских литературоведов XX в. М. Бахтин в труде «Эпос и роман» назвал роман жанром, который постоянно находится в динамике, ориентирован на отражение незавершенной действительности. Он отметил, что роман тесно связан со своим временем, порожден современностью и отражает духовную сущность индивида и его проблемы на фоне эпохи [3, с. 299].

М. Бахтин писал: «Роман – это сама пластичность. Это жанр, который постоянно ищет, пересматривает устоявшиеся формы. Именно таким может быть жанр, который находится в зоне непосредственного контакта с подвижной действительностью» [3, с. 189].

Таким образом, в результате анализа основных тенденций английской литературы XX века нами были выделены реалистический и социальный романы. Взгляды писателей-реалистов на роман как на средство широкого освещения жизни с ее насущными проблемами в данный период вступают в противоречие с представлениями тех, кто в сложной ситуации послевоенного мира испытывал страх перед жизнью, отвращение к ней и поэтому ушел в область экспериментов. Однако необходимо признать, что англоязычный литературный процесс определяется не только причудливым переплетением реализма и постмодернизма. Возникает множество смежных явлений, кото-

рые необходимо учитывать для формирования полной картины современного англоязычного творчества.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в более детальном изучении английских романов XX века, которые являются культурным достоянием Англии и несут в себе особый лингвистический потенциал.

Список литературы

1. **Кагарлицкий, Ю. И.** Литература и театр Англии XVIII-XX вв.: авторы, сюжеты, персонажи : избранные очерки / Ю. И. Кагарлицкий – М. : Альфа-М, 2006. – 543 с.
2. **Каимова, Х. Л.** Становление американского литературного сознания в XX веке. Творчество Альберта Риса Вильямса / Х. Л. Каимова, И. Б. Бачалова // Взгляд современной молодежи на актуальные проблемы гуманитарного знания. Материалы ежегодной Межрегиональной студенческой научно-практической конференции. – 2017. – С. 74–77.
3. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. **Пономаренко, Ю. В.** Роль литературной традиции в английском романе второй половины XX века // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки . – 2011. – № 2. – С. 27–32.
5. **Филимонова, Т. В.** Роман в творчестве Маргарет Дрэббл 1960-х годов (традиции жанра) / Т. В. Филимонова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 12. – № 33. – С. 264–267.
6. **Crystal, D.** Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – L. : Longman, 1969. – 264 p.
7. **Lee, A.** Realism and Power: Postmodern British Fiction / A. Lee. – London and New York : Routledge, 1990. – 176 p.

Sotnikova Y. V.

Genre Characteristics of English-language Novels of the XX Century

This article is devoted to the study of genre characteristics of English-language novels of the twentieth century. The traditions and innovations in the works of English writers are investigated. The author briefly covers the main events of the socio-political life of Great Britain and their critical interpretation in English-language works.

Key words: *novel, English-language novel of the XX century, realistic novel, genre.*

УДК 821.161.1.09

Хатнюк Анатолий Витальевич,
аспирант кафедры русской и мировой литературы
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
hatnyuk.anatolii@yandex.com

Влияние социалистического реализма на роман Ивана Антоновича Ефремова «Лезвие бритвы»

Эта статья посвящена творчеству И. А. Ефремова, в частности, главенствующему художественному направлению литературы и искусства Союза Советских Социалистических Республик – социалистическому реализму и его влиянию на литератора. Автор рассматривает вопрос о степени отражения концепции прекрасного в соцреализме и в произведении И. А. Ефремова «Лезвие бритвы» в частности, а также ее видоизменения и дополнения.

Ключевые слова: социалистический реализм, прекрасное, концепция, эстетика.

До распада Союза Советских Социалистических Республик И. А. Ефремов был популярным писателем, на бытовом уровне его работы нередко использовались для легитимизации идей счастливого будущего мира и взаимопонимания. В современном же обществе аудитория уменьшилась, а представители неозападничества нередко подвергают его идеи опале ввиду коммунистического влияния.

Мы не согласны с тем, что ценность произведения может быть выведена исключительно из политических предпочтений автора или же целого художественного направления, поэтому идеи, выраженные в работах И. А. Ефремова, в частности, в «Лезвии бритвы», во многом вдохновлённой идеалами социалистического реализма, не являются плохими априори и выступают образцами классического мышления.

В данной статье рассматривается концепция прекрасного в соцреализме, его связь с многотысячелетним прошлым, из которого она вобрала множество лучших сторон, а также связь красоты в романе «Лезвие бритвы» И. А. Ефремова с главенствующим художественным направлением в ту эпоху в стране.

Актуальность статьи определяется, в первую очередь, необходимостью выявления объективного канона красоты и блага в направлении социалистического реализма, поскольку в современном дискурсе преобладает ангажированное видение, во вторую очередь – необходимостью выявления его влияния на произведение И. А. Ефремова «Лезвие бритвы», поскольку, как уже было сказано, в массовом сознании всё ещё продолжает преобладать необъективное восприятие его идеалов.

Целью исследования выступает изучение научных работ, посвящённых вопросу определения соцреализма с задачей выявления его концепции красоты. После чего необходимо рассмотреть роман «Лезвие бритвы» с целью сопоставления идеалов писателя с государственным литературно-теоретическим канонам, нахождение его влияний и отличий.

Прежде всего, необходимо понять истоки социалистического реализма. Начало XX века общепринято называют Серебряным веком русской культуры, по аналогии с Золотым временем Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Н. В. Гоголя и прочих выдающихся творцов. Так, в теоретических разработках 20-х годов было много противоречивых идей. Например, для многих эстетических концепций того периода характерен классовый подход в отборе и оценке художественных средств в творчестве деятелей искусства. Непосредственно понятие «социалистического реализма», как и термина «инженеры человеческих душ», многими историками приписывается Иосифу Сталину, хотя последний утверждал, что он лишь цитировал слова Ю. К. Олеси [3, с. 231].

Как идея изобретения стиля и метода, отражающего новые социальные нравы, она не была новой. Впервые гипотеза о создании социалистического искусства была озвучена ещё во времена октябрьского переворота. Появлялись идеи о том, что при социально-утопическом проектировании в рамках социального и демократического движения должны были выдвигаться новые законы не только в отношении общественно-экономического устройства будущего, но и так называемого «искусства будущего». Такие темы, как «искусство и социализм», «эстетика и марксизм» пользовались популярностью в начале революции [4, с. 212].

Во время самого переворота возникла ленинская концепция партийности, которая в 30-е годы станет одной из основ социалистического реализма. При этом идеи интеграции искусства в новый социум обсуждались ещё до переворота и часто были противоречивыми: от технократической утопии авангардистов, до анархического аграрного социума крайне левых течений. Однако стоит указать на то, что все они были абсолютно материалистичны в своей основе. Всё, выходящее за грани осязаемого и познаваемого мира, утверждалось реакционным и вредным для человека.

Говоря, к примеру, о красоте человеческого тела, оно характеризовалось лишь с точки зрения физиологии. Соответственно, не лишним будет привести цитату из творчества самого И. А. Ефремова с тем, чтобы показать, как эти идеи нашли отражение в его творчестве: «Решительно, все виды чувств, доставляющие нам ощущение красоты, в своей основе имеют важное и благоприятное для нашего организма значение, будь то сочетание звуков, красок или запахов. Что линии, которые мы воспринимаем красивыми, гармоническими, построены по строгим математическим закономерностям – это уже бесспорно» [2, с. 459]. Научный оптимизм и вера в то, что понимание законов природы способно возвысить человека над природой, было одним из столпов всей российской культуры советского периода. Неудивительно, что сам И. А. Ефремов, с детства воспитывавшийся в её лоне, перенял эти воззрения.

Новая концепция красоты, опиравшаяся на марксистскую теорию, стала одним из важнейших этапов развития советской эстетики. Её основателем стал Г. В. Плеханов. Именно на его учение опирались создатели двух крупнейших социологических школ в отечественной эстетике – В. М. Фриче и В. Ф. Переверзев. Несмотря на то, что эти школы имели массу различий, объединяющим фактором стало стремление изучения искусства как комплексной социальной системы.

Основой дальнейшей теоретической разработки эстетической науки стало определение культуры как классового понятия, при этом «классовая обусловленность» выступила одним из важнейших в вопросах понимания прекрасного. В работах И. А. Ефремова мы не видим вульгарного понимания советской эстетики, авангардного и нетерпимого, напротив, отбросив фанатизм революционизма, он взял лучшее из того, что могла предложить советская культурная мысль, к примеру, восторженность человеческим телом, совместно с пониманием его механизма: «Красивы ровные, плотно посаженные зубы, изогнутые правильной дугой, – такая зубная дуга отличается наибольшей механической прочностью при разгрызании твердой растительной пищи или сырого мяса» [2, с. 461].

Теоретиками марксизма предполагалось, что октябрьский переворот послужит катализатором, запустившим вышеописанный процесс. Выразилось мнение, что если культура станет «народной», то она станет гораздо лучше «буржуазной» в силу принадлежности к «прогрессивному» классу. Центральным вопросом отечественной эстетической мысли 30-х годов стала разработка принципов социалистического реализма [3, с. 124]. И именно он стал одной из основ мировоззрения И. А. Ефремова, поскольку предположение о том, что материализм – это основа бытия, обращение к классикам вплоть до античной Эллады и вера в человеческий потенциал являются основой, давшей толчок к изучению и развитию писателем идей эстетики от Пифагора до К. Г. Маркса и далее.

Хоть само понятие «социалистический реализм» появилось в российской литературе в 1923 году, его содержание было окончательно определено лишь на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 году. Основой этой мысли стала идеология, а именно план развития художественного творчества в чётко ограниченных рамках социально-политических критериев. Незамедлительно эта мысль стала художественным канонem, требующим от творцов как определённого содержания, так и основных структурных принципов произведений. Поскольку создатели социалистического реализма были марксистами, то их метод предполагал, что их руками изваян новый тип сознания, который должен взаимодействовать лишь с творчеством единственно верного и окончательного этапа в развитии человеческой мысли.

Каким бы разнообразием по содержанию не отличались произведения, включаемые в число признанных образцов практического применения метода социалистического реализма, в них неизменно присутствовало понятие некоей цели, выраженное либо в открытом, либо в угадывающемся на уровне подтекста виде. Эта удивительная целеустремленность заставляла все используемые в художественных произведениях социалистического реализма сюжеты развиваться в одном, заранее известном направлении [5, с. 215].

Такая целеустремленность сделала доминирующей функцией искусства социалистического реализма – сугубо воспитательной, но главной его темой стала тема метаморфозы отдельных личностей и целых коллективов на пути к коммунистическому идеалу, к которому постоянно стремится «положительный герой» произведений социалистического реализма, его святая святых, его краеугольный камень и главное его «достижение». В своей изначальной

целеустремленности к абсолютному идеалу социалистический реализм требовал в художественных произведениях почти полного отказа от каких бы то ни было колебаний, сомнений и исканий в сфере духа. Он ограничивал все попытки выбора пути выбором, раз и навсегда уже сделанным и единственно верным.

В 30-е годы формировалась не только теория социалистического реализма, но и многие его шедевры. Классиками социалистического реализма по праву считаются В. В. Вишневский, М. Горький, А. А. Дейнека, А. П. Довженко, Б. В. Иогансон, Д. Б. Кабалевский, В. В. Маяковский, В. И. Мухина, М. А. Шолохов, С. М. Эйзенштейн и мн. др.

Как видно, основой эстетической конструкции стала, во-первых, идея создания искусства государственного и, во-вторых, идея огосударствления искусства. В контексте, к примеру, художественных произведений 20-х годов, роль «будущего искусства» взяло на себя само государство, своеобразный третий путь, вбирающий в себя лучшее, как от авангардизма, так и от пролеткульта. Непосредственно с 1932 года, таким образом, социалистический реализм стал главным государственным направлением в искусстве, которое стало выполнять воспитательные функции социума с целью создания нового человека. Идеи трудового энтузиазма, преданности коммунистическим идеям, пролетарской нетерпимости и прочего – этим жили новые герои [5, с. 125].

Были созданы такие знаковые художественные образцы, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», удостоившиеся премий на международном уровне, что стало фактом, подтверждающим, что социалистический реализм был гораздо больше, чем политическая пропаганда. Образцами изобразительного искусства выступили такие работы, как «Допрос коммунистов», «На старом уральском заводе» и «Выступление В. И. Ленина на 3-м съезде комсомола» Б. В. Иогансона, в скульптуре вершиной стали «Рабочий и колхозница» В. И. Мухиной.

Вторая Мировая война на время затормозила развитие эстетической теории. Однако в послевоенные годы в советской науке начинают разрабатываться новые подходы к решению проблем искусства, осуществляющихся как часть общего исследования структуры общественного сознания, происходящего в рамках исторического материализма и марксистско-ленинской эстетики. Объективные предпосылки бурного развития эстетической мысли в этом направлении были связаны с тем, что оказались вновь открыты культурные связи с рядом других стран, значительно расширяя арсенал исследуемых мировых эстетических традиций.

Заметным явлением в эстетической литературе того периода стал выход монографии Г. А. Недошивина «Очерки теории искусства» (1953). В работе рассматривались вопросы специфики искусства, особенности его социального функционирования, причем подчеркивалась классовая природа художественного творчества, которая, как утверждал автор, «... всегда в своих образах выражает идеи, стремления, мысли и чувства того или иного класса, той или иной общественной группы» [3, с. 82]. Выражалась идея о том, что настоящий человек живёт в непрекращающейся борьбе, будь то за лучшее будущее, за собственное всестороннее развитие и так далее. И. А. Ефремов вос-

принял подобные идеи, отвергая утопию изнеженного образа и аргументируя их следующим образом: «В процессе эволюции человек подвергался суровым испытаниям и вышел из них победителем. Но вторая, обратная, сторона этой победы в том, что его организм рассчитан на испытания и большие нагрузки. Он нуждается в них, и если мы не будем заставлять его работать, даже когда это не требуется городской жизнью, а также не будем устанавливать ему периодами ограничение в пище, неизбежны неполадки и прямые заболевания» [3, с. 82].

Итак, эстетика Советского Союза, в особенности её пик в виде социалистического реализма, выступила, пусть и несколько эклектичной, но идеей материалистичного начала бытия, верой в верховенство человека и его разума над ним, убеждённостью, что всесторонним воспитанием возможно создать человека универсального, который будет прекрасен, и чья красота будет подобна отлаженному механизму. Эта идея опиралась на века классической мысли, обновлённой социалистическим идеалом. Синтез лучшего в классической и коммунистической мысли стал одним из краеугольных камней творчества И. А. Ефремова.

Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении влияния социалистического реализма на творчество советского писателя.

Список литературы

1. **Акопов, Л.** Поэзия в произведениях И. А. Ефремова / Л. Акопов // Иван Ефремов – ученый, мыслитель, писатель. Взгляд в 3-е тысячелетие. Предвиденья и прогнозы. – М. : Искусство, 1998. – 456 с.
2. **Ефремов, И. А.** Собрание сочинений: в 2-х т. / И. А. Ефремов. – СПб. : Зебра Е, 2008. – Т. 2. – 1214 с.
3. **Канарский, А. С.** Диалектика эстетического процесса / А. С. Канарский. – М. : Высшая школа, 1979. – 615 с.
4. **Лиотар, Ж. Ч.** Ситуация постмодерна / Ж. Ч. Лиотар // Философ, социолог. – М. : ЮНИТИ, 1995. – 421 с.
5. **Лифшиц, Е. М.** Собрание сочинений. Этика. Эстетика / Е. М. Лифшиц. – М. : ЮНИТИ, 2000. – 871 с.

Khatniuk A. V.

The Influence of Socialist Realism on the Novel by Ivan Antonovich Efremov «The Razor's Edge»

This article is devoted to the issue of I.A. Efremov's works and to the dominant artistic direction of literature and art of the Union of Soviet Socialist Republics – socialist realism and its influence on the writer in particular. The author considers the question of what it was and to what extent the concept of beauty in socialist realism was reflected in the work of I.A. Efremov «The Razor's Edge», as it was modified and supplemented.

Key words: socialist realism, beauty, concept, aesthetics.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 81'243.3:378.022-022.33

Мерхелевич Геннадий Викторович,
канд. пед. наук, заведующий кафедрой
«Русский и иностранные языки»
ГОУ ВПО ДНР «Донецкая академия транспорта»
(ДНР, г. Донецк)
info@arpi.com.ua

Организация сетевого обучения специалистов разного профиля иностранному языку на монолингвальной основе

В статье рассматриваются пути решения проблем, связанных с организацией обучения иностранному языку будущих педагогов-филологов, переводчиков и специалистов неязыкового профиля на монолингвальной основе при сетевом взаимодействии всех участников учебного процесса как комплексного педагогического акта. Приведено обоснование общности методологического подхода для всех категорий обучающихся на начальной стадии процесса обучения, раскрыты особенности их отдельной иноязычной подготовки на заключительном этапе учебного процесса. Рассмотрено отличие роли педагога от роли преподавателя и особенностей воспитательной и развивающей функции в профессиональной деятельности педагога. Аргументирована целесообразность обучения иностранному языку как инструменту обмена информацией вместо его традиционного изучения как учебной дисциплины. Рассмотрены проблемы формирования собственной иноязычной мини-среды обучающегося, предложены пути ее сохранения на протяжении всей его жизни.

Ключевые слова: ассоциативное запоминание, виртуальный образ, иностранный язык, интеграция, информационное пространство, монолингвальный метод, обмен информацией, обучение, перевод, принципы, сетевая основа

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена недостаточной степенью владения иностранным языком среднестатистическим представителем русскоязычного пространства и основанной на этом потребности общества в повышении степени иноязычной готовности специалиста к профессиональной деятельности в условиях иноязычного культурно-информационного пространства [12]. В качестве доказательства существования вышеупомянутого недостатка даже на профессиональном лингвистическом образовательном уровне существуют факты неадекватной передачи содержания иноязычной информации, поступающей из СМИ, посредством ее перевода на родной язык [7; 8; 12].

Подобное положение дел обуславливает возникновение серьезного препятствия для формирования в социуме условий, необходимых для полноценной интеграции индивида с иноязычной культурно-профессиональной

информационной средой и осуществления своей деятельности на основе прямого обмена иноязычной информацией [2; 10; 11]. Возникновение вышеупомянутых недостатков в иноязычной подготовке специалистов разного профиля происходит по причине *неадекватного* восприятия смыслового содержания иноязычного материала, что следует рассматривать как *базис* в случае необходимости его перевода на другой язык [1; 3; 4].

В связи с вышеизложенным, иноязычная подготовка индивида к применению иностранного языка на профессиональном уровне и в границах области его профильной ориентации приобрела статус приоритетного направления развития Донецкой Народной Республики, формирующего динамику вхождения Республики в международное культурное, политическое и экономическое пространство [9]. При этом существенно возрастает роль совершенствования существующей научной системы учебно-методического обеспечения процесса непрерывного обучения иностранному языку специалистов разного профиля.

Результаты анализа научной литературы указывают на необходимость решения данной проблемы и формулирования принципов методологической организации процесса иноязычной профессиональной подготовки студентов-филологов, студентов-переводчиков и специалистов в различных областях науки и техники.

Вышеупомянутое противоречие обусловило проблему исследования, основным фактором возникновения которой является недостаточная эффективность иноязычной подготовки специалистов различного профиля в средней и высшей школе.

Цель статьи – сформировать и научно обосновать методологический подход к сетевому обучению специалистов разного профиля иностранному языку на монолингвальной основе.

Задачи исследования – создать условия для:

1) формулирования требований к преподавателю иностранного языка и к созданию условий для формирования *разговорно-познавательной способности* обучающегося;

2) овладения обучающимися иностранным языком как инструментом обмена информацией на *монолингвальной* основе с приобретением разговорной и познавательной самостоятельности при сетевой организации взаимодействия всех участников педагогического процесса;

3) формирования устойчивых навыков применения языка в условно непрерывном режиме на *монолингвальной* основе с приобретением полной субъективной *независимости* в применении иностранного языка в условиях иноязычной макросреды;

4) отдельного формирования профильных акцентов при профессиональной подготовке специалистов разного профиля.

Объект исследования – процесс организации сетевого обучения иностранному языку на монолингвальной основе.

Предмет исследования – пути формирования иноязычной профессиональной готовности специалистов к интеграции с иноязычной культурно-профессиональной информационной средой на монолингвальной сетевой основе.

Научная новизна результатов.

1. *Впервые выявлены и научно обоснованы:* а) требования к преподавателю иностранного языка, позволяющие ему создавать условия для обучения иностранному языку как инструменту обмена информацией; б) первостепенная роль внеаудиторной познавательной деятельности обучающегося, основанной на психологически комфортном времяпрепровождении в условиях иноязычной среды; в) целесообразность применения и эффективность внедрения сетевого подхода к организации аудиторного и внеаудиторного компонентов учебного процесса.

2. *Впервые определены и научно обоснованы:* а) целесообразность расширения функции преподавателя иностранного языка до роли педагога; б) функция педагога-куратора по иностранному языку; разработаны и апробированы: принципы разделения языковой среды, существующей вокруг обучающегося или искусственно им создаваемой, на две подсреды: подсреду устного общения и подсреду пассивного восприятия информации в форме текста или виртуальных образов [6; 12].

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что обоснованы: а) целесообразность опережающего формирования навыков понимания иноязычной информации на слух; б) формирование базового разговорно-познавательного ресурса обучающегося в процессе деятельности путем механического запоминания законченных оборотов речи на ассоциативной основе средствами зрительной, слуховой и эмоциональной памяти; в) дальнейшее развитие коммуникативно-познавательного потенциала на монолингвальной основе в условиях иноязычной среды, формируемой с помощью текстовой, звуковой и других форм информации.

Были разработаны и внедрены: принципы формирования профессионального Я-образа обучающегося посредством обеспечения непрерывности его иноязычной познавательной деятельности в области своих интересов и увлечений.

Рассмотрение путей устранения недостаточной разработанности методологической основы процесса обучения специалистов иностранному языку как *проблемы исследования* позволяет провести анализ ее причин и выработать рекомендации по ее решению на поэтапной основе, начиная с формулирования требований к преподавателю иностранного языка и к созданию условий для формирования *разговорно-познавательной способности* обучающегося при сетевой организации взаимодействия всех участников педагогического процесса [10].

ЭТАП 1. (*общий для педагога, переводчика и специалиста неязыкового профиля*) **Овладение иностранным языком как инструментом обмена информацией** (осуществляется на монолингвальной основе)

Цель: приобретение разговорной и познавательной самостоятельности.

Задача 1.1. (*общая для педагога, переводчика и специалиста неязыкового профиля*) **Овладение иностранным языком как инструментом обмена информацией.**

Назначение данной задачи основано на том, что полноценное обучение иностранному языку может обеспечить не тот преподаватель, который сфор-

мировался как *лингвист*, то есть языковед, а тот, который сформировался или – как минимум – уже начал формироваться как *филолог* и как *педагог*. При этом под последним подразумевается «специалист в области образования, совмещающий *преподавательскую* деятельность с содействием *развитию* и *воспитанию* обучающегося» [16].

Задача 1.2. (*общая для обучения педагога, переводчика и специалиста неязыкового профиля*) Формирование своего профессионального Я-образа посредством обеспечения непрерывности иноязычной *познавательной* деятельности в области своих интересов и увлечений, осуществляемой на основе устойчивой *привычки*, которая вызвана желанием обучающегося познавать новую для себя информацию из повседневной жизни иноязычного общества.

Задача 1.3. (*общая для обучения педагога, переводчика и специалиста неязыкового профиля*) Сохранение созданной мини-среды с последующим расширением области ее распространения за счет повышения степени собственной интеграции в иноязычную макросреду.

ЭТАП 2. (*общий для педагога, переводчика и специалиста неязыкового профиля.*) **Формирование устойчивых навыков применения языка в условно непрерывном режиме** (осуществляется на *монолингвальной* основе).

Цель: приобретение полной субъективной *независимости* в применении иностранного языка в условиях иноязычной макросреды.

Задача 2.1. Формирование собственной мини-среды.

Понятие языковой среды распространяется на все, что составляет ближайшее окружение обучающегося и воспринимается им в форме звука, текста или совокупности образов, снабженных определенной информацией: *аудиальной, визуальной, вкусовой, обонятельной и тактильной*.

Задача 2.2. (*общая для обучения педагога, переводчика и специалиста неязыкового профиля.*) **Сохранение созданной мини-среды с последующим расширением области ее распространения за счет повышения степени собственной интеграции в иноязычную макросреду.**

Обязательным дополнительным эффектом, достигаемым в результате решения данной задачи, наряду со всеми предшествующими задачами 1.1–1.3 и 2.1, следует считать обретение обучающимися навыка *мышления* непосредственно на осваиваемом иностранном языке и выработки чувства *стиля* иностранного языка, наличие которого обусловит уровень качества изложения материалов на иностранном языке, что предусмотрено этапом 4 разработанной 4-этапной образовательной программой «Английский от АРПИ на всю жизнь и все случаи жизни» (*ARPI English for Your Lifetime Experiences*). При этом рассмотрение этих проблем не приведено в настоящей статье, поскольку не входит в объем данного исследования и является темой отдельного эксперимента [5].

Важную роль в учебном процессе сыграло внедрение на этапах 1 и 2 *сетевого* подхода к организации обучения иностранному языку, действие которого распространяется на: участников процесса при одновременной организации учебно-педагогического процесса с несколькими обучающимися на групповой и индивидуальной основе; учебно-методические средства организации педагогического процесса в их совокупности, структурированной

соответствующим образом; методологические (психологические, педагогические и др.) приемы организации педагогического процесса в их совокупности, структурированной соответствующим образом [13].

ЭТАП 3. Раздельное формирование профильных элементов иноязычной профессиональной подготовки специалистов различных категорий

Предложения и гипотезы, рассматриваемые на данном и касающиеся принципов дифференцирования иноязычной профессиональной подготовки: а) педагога; б) переводчика и специалиста неязыкового профиля – в объеме данного исследования не рассматриваются и будут освещены в последующих публикациях со ссылкой на данную статью.

ЭТАП 4. (общий для педагога, переводчика и специалиста неязыкового профиля.) Реализация обучающимся способности формировать на иностранном языке информацию общекультурного и профессионального содержания

Данный этап 4-этапной образовательной программы «Английский от АРПИ на всю жизнь и все случаи жизни» (*ARPI English for Your Lifetime Experiences*) предполагает индивидуальное консультационное сопровождение обучающегося при самостоятельном формировании информации *общекультурного* и *профессионального* содержания. Такое сопровождение включает содействие специалисту в создании собственного ресурса иноязычных смысловых эквивалентов в форме двуязычного фразеологического словаря [14; 15] и совершенствовании технологии работы с иноязычными материалами с целью непрерывного развития данного ресурса при выяснении смысловых значений новых понятий на монолингвальной основе.

Анализ результатов проведенного исследования позволил сделать следующие выводы.

1. Достижение целей учебного процесса предполагает соответствие уровня профессиональной подготовки требованиям, обеспечивающим его способность обучать иностранному языку как инструменту обмена информацией, передавая обучающимся собственный опыт применения языка на практике вместо традиционного изучения языка путем передачи теоретических знаний.

2. Обучение иностранному языку филологов, переводчиков и специалистов неязыкового профиля следует проводить в 2 стадии, первая из которых является общей для всех категорий обучающихся, а вторая обеспечивает раздельное обучение преподавателей-филологов и специалистов другого профиля.

3. Первая стадия (этапы 1 и 2) предполагает: а) овладение языком как инструментом обмена информацией; б) формирование собственного Я-образа обучающегося на основе непрерывной иноязычной познавательной деятельности; в) формирование собственной иноязычной мини-среды обучающегося; г) сохранение собственной иноязычной мини-среды обучающегося; д) последующее расширение собственной иноязычной мини-среды обучающегося по мере его интеграции с иноязычной макросредой.

4. Вторая стадия (этап 3) предполагает: а) (для педагога-филолога) овладение психологической основой и техникой обучения иностранному языку;

б) (для переводчика и специалиста неязыкового профиля) овладение техникой восприятия содержания иноязычного материала и перевода информации на родной и иностранный языки с формированием собственной лексической базы.

5. Обучение иностранному языку следует проводить на монолингвальной основе, то есть с помощью языка оригинала, с определением смысловых эквивалентов лексем языка оригинала на языке перевода с помощью дефиниций, предлагаемых толковыми словарями языка оригинала, путем предварительного формирования виртуального образа для каждого конкретного объекта исследования.

6. Организация процесса обучения должна осуществляться на основе сетевой организации взаимодействия всех участников педагогического процесса.

Список литературы

1. **Арнольд, И. В.** О стилистической функции / И. В. Арнольд // Вопросы теории английского и русского языков / Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Вологда, 1970. – С. 3–12.
2. **Виноградов, В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. **Гаччиладзе, Г. Р.** Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Р. Гаччиладзе. – М. : Сов. писатель, 1980. – 253 с.
4. **Гудочник, Л. Ю.** Особенности лексико-семантических и лексико-стилистических трансформаций при переводе художественной литературы (на материале сказок О. Уайлда) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л. Ю. Гудочник. – М., 2009. – 196 с.
5. **Емельянова, О. Н.** Стилистическая составляющая лексикографического описания (на материале толковых словарей русского языка) / О. Н. Емельянова // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. – М., 2004. – С. 84–90.
6. **Захарова, О. А.** Виртуальная образовательная среда в профессиональной подготовке и повышении квалификации : моногр. / О. А. Захарова. – Ростов-н/Д : ДГТУ, 2011. – 146 с.
7. **Казакова, Т. А.** Художественный перевод. Теория и практика : учебник / Т. А. Казакова. – СПб. : ИнЪязиздат», 2006. – 544 с.
8. **Комиссаров, В. Н.** Текст и перевод / В. Н. Комиссаров, Л. А. Черняховская, Л. К. Латышев. – М. : Наука, 1998. – 165 с.
9. **Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики – 2019.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/prikazy-ministerstva-obrazovaniya-doneskoj-narodnoj-respubliki/>, свободный. (Дата обращения: 21.03.2019 г.).
10. **Мерхелевич, Г. В.** Иностранный язык: изучать как предмет или применять как инструмент / Г. В. Мерхелевич. – Донецк: Восточный издательский дом, 2018. – 324 с. – (Научно-техническая библиотека АРПИ на иностранных языках).
11. **Мерхелевич, Г. В.** Методологическая основа системы научно-методического обеспечения процесса обучения иностранному языку студентов и

- специалистов / Г. В. Мерхелевич // Вестник ЛНУ им. Т. Шевченко. Серия 1: Педагогические науки. Образование. – 2019. – № 2 (28) – С. 31–37.
12. Мерхелевич, Г. В. Методологические подходы к обеспечению точности восприятия иноязычной информации в сетевом взаимодействии на основе виртуального образа / Г. В. Мерхелевич // Вестник Академии гражданской защиты. – Донецк : ГОУВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР. – 2020. – Вып. 4 (24). – С. 74–79.
13. Мерхелевич, Г. В. Монолингвальный подход к обучению иностранному языку в системе непрерывного образования на основе сетевого взаимодействия / Г. В. Мерхелевич // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – 244 с. – С. 206–212.
14. Мерхелевич, Г. В. Сетевые технологии в обучении иностранному языку на монолингвальной основе / Г. В. Мерхелевич // Вестник Академии гражданской защиты. – Донецк : ГОУВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР, 2021. – Вып. 2 (26). – С. 74–79.
15. Мерхелевич, Г. В. Технология формирования комбинированного двуязычного словаря фраз и словосочетаний новой структуры (на примере русско-английского варианта) / Г. В. Мерхелевич // Гуманитарный вестник (Горловка), 2018. – № 6. – С. 205–214.
16. **Словарь русского языка:** В 4-х т. Т. 4. / под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – 794 с.

Merkhelevich G. V.

Providing Foreign Language Teaching on the Monolingual Peer-to-peer Interaction Basis for Linguistic and Nonlinguistic Professionals

This paper deals with possible ways of resolving problems related to the foreign language teaching/ learning activities intended for student language teachers, translators and nonlinguistic professionals to be provided on the peer-to-peer interaction and monolingual basis. Reasoned is the methodological approach which allows identical way of teaching student teachers, translators and business professionals at the early stages and separate, differently-tailored ones at the advanced stage of the process. Differentiated is the role of the teacher from that of the educator regarding their duties on getting the students naturally adapted to the foreign-language environment, with their further development to be provided on this basis. Given are reasons to educate the students, with the foreign language learned to be acquired by the students as a tool of the language further application in their everyday and professional life rather than just to study the language as any other academic discipline on the theory basis. Also considered are ways of creation by each student his/her own artificial foreign-language based environment and some approaches that allow to maintain and increasingly expand it through his/her future lifetime experiences.

Key words: *associative memory language acquisition; mental picture, foreign language, integration, informational environment, computer-based information technologies, monolingual method, information exchange, education, translation, principles, networking approach.*

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 378.011.3-051:81'25

Грязнова Анжелика Михайловна,
преподаватель кафедры теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
angella161991@gmail.com

Профессиональное развитие языковой личности переводчика в рамках интегративного подхода

В статье описываются основные педагогические механизмы, используемые преподавателем для совершенствования и развития профессионализма будущего переводчика на основе интегративного подхода. Определены концепты интегративного подхода; описано содержание каждого компонента интегративного подхода. Приводятся примеры педагогического моделирования языковой личности переводчика в практическом аспекте, которые обусловлены спецификой интеллектуальных потребностей субъекта познания как такового.

Ключевые слова: языковая личность, интегративный подход, профессиональные компетенции, профессиональная подготовка, ключевые компетенции, общие компетенции, перевод, язык, интеграция.

Язык как своеобразная семиотическая система и универсальный механизм объективации содержания индивидуального сознания и культуры, личностной и национальной идентификации является средством обучения и воспитания личности. Если «сущность человека покоится в языке» (М. Хайдеггер), то проявляется в языковой личности как его носителя [6, с. 65]. Профессиональное развитие специалиста вызывает повышенный исследовательский интерес в научном сообществе в силу многоаспектности проявления связей между различными нациями в современном мире, а также в различных сферах жизнедеятельности отдельного человека.

При этом недооценивается другая сторона деятельности переводчика, связанная с его развитием как языковой личности, которая происходит в условиях многозадачности, требуемой от него в современном мультикультурном обществе. Это проблема приобретает особенную тональность на социально-политическом, военном поприще и др., где от переводчика требуется выполнять различные виды перевода за конкретный временной интервал. Интегративный подход позволяет решить данную проблему, поскольку обуславливает вариативное решение функциональных задач, поэтому мы и рассматриваем развитие языковой личности переводчика в рамках интегративного подхода.

Г. М. Аноркулова и В. А. Слостенин [1, с. 588] утверждают, что интегративный подход реализуется на технологическом и содержательном уровне подготовки к переводческой деятельности. Интегративный подход содействует решению следующих прагматических задач: раскрывает интеллектуаль-

ный потенциал будущего специалиста в целом, затрагивая саму личность обучающегося; формирует профессиональные, ключевые и общие компетенции; создает педагогические кондиции для самообразования, самовоспитания, саморазвития, социализации и т. д. [5, с. 576].

Основными концептами интегративного подхода при преподавании переводческих дисциплин являются: принцип субъектности, культуросообразности, креативности, самообразования, диалога культур, вариативности в выборе средств взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса, диалогизации, обратной связи. Компонентами интегративного подхода выступают: организационно-методический, деятельностно-практический и реторико-содержательный, утверждает Ш. Х. Кулиева [4, с. 977–978].

Организационно-методический компонент предполагает интегрирование методик обучения (дебаты, метод проектов, дидактические игры, дискуссии, круглые столы, фестивали, конкурсы, конференции, кейс-методики т.д.) [3].

Деятельностно-практический компонент включает *интеграцию* форм обучения, что будет стимулировать применение творческих заданий различного содержания, которые, в свою очередь, способствуют развитию критического мышления и креативности, формированию личностно-значимых и профессиональных качеств языковой личности на профессиональном поприще [3].

Ресурсно-содержательный компонент реализует ресурсы, необходимые для учебно-познавательной деятельности (артикулируемой и неартикулируемой), определяет содержание интегративного специального курса, который, благодаря своему содержанию, средствам, методам и приемам будет содействовать формированию профессиональной компетентности переводчика [3].

Таким образом, интегративный подход заключается в выражении единства целей, принципов и содержания организации процесса обучения и воспитания, а его планомерным результатом являются ключевые и профессиональные компетенции. Мы разделяем точку зрения В. Ф. Тенищевой о том, что интегративный подход приводит к консолидации уровня образовательного процесса за счет постепенного движения педагогической системы к ее большей целостности (интеграции). Следствием интегративного подхода являются вышеперечисленные сформированные компетенции у будущих специалистов [6, с. 48].

Синтез ряда научных исследований российских и зарубежных ученых придает синергетический эффект в определении понятия и структуры языковой личности переводчика. Под *языковой личностью переводчика* понимается личность, обладающая чувством принадлежности к определенному языку и культуре через знакомство с другими языками и культурами и способная транслировать этот язык и культуру при помощи различных переводческих техник и приемов [2, с. 21]. Особое значение приобретает культивация взаимопонимания, толерантности и уважения к языковому и культурному многообразию [4, с. 346]. Следовательно, структуру языковой личности переводчика образуют общие, ключевые и профессиональные компетенции.

Принимая во внимание различные педагогические технологии, их классификации и критерии интенсификации обучения переводу с одного языка

на другой, такие как *результативность, эргономичность*, и т.д., можно обозначить следующие пять пунктов, составляющих прочный фундамент технологии формирования языковой личности переводчика. Во-первых, следует определить интеллектуальные потребности студентов на основе личностно-ориентированного подхода. Для этого следует предложить студентам мысленно подискутировать над следующими вопросами: *«Как они собираются применять изученный ими язык после завершения учебного процесса? Что конкретно им необходимо изучить, чтобы добиться того, чего они хотят? Что мотивирует студентов получать образование? Что представляет собой личность каждого учащегося на данный момент времени? Какой доступ к ресурсам есть у обучающихся? Сколько времени они могут позволить себе на получение высшего образования?»*

Во-вторых, на основе индивидуальной и групповой рефлексии установить *цели* обучения иностранному языку на основе компетентностного подхода. Преподаватель может ознакомить студентов-переводчиков с целями, существующими на данный момент в системе языкового образования на отечественном и международном уровнях. В частности, определить те профессиональные компетенции, которые будут сформированы у студентов в течение определенного периода времени.

В-третьих, совместно со студентами переопределить содержание обучения и отобрать материал с позиций культуросообразного подхода. На начальном этапе отбором языкового материала занимается преподаватель, постепенно вовлекая в эту деятельность студентов. При отборе необходимого материала следует учесть принципы необходимости, достаточности, доступности (посильности), а также специфические принципы взаимосвязи категорий (общие и коммуникативные компетенции учащегося, контексты, речевая деятельность, языковые процессы, тексты, сферы общения, стратегии, задачи) и взаимодействия преподавателя и учащихся для определения приемов интеграции различных компонентов обучения для получения оптимального результата [5, с. 400–451].

В-четвертых, создать программу модульного обучения с поурочной и тематической разбивкой.

В-пятых, реализовать диагностирующий, текущий и итоговый контроль и оценку уровня сформированности языковой личности будущего переводчика по соответствующим компетенциям каждого студента. Предпочтение следует отдавать формирующему оцениванию, поскольку прилагаемые усилия преподавателя и студентов должны быть равномерно распределены в процессе обучения. Нами представляется возможным применять разработанную пошаговую технологию в процессе овладения необходимыми знаниями, умениями и навыками, а именно на всех уровнях становления языковой личности переводчика – от начального до продвинутого. Несомненно, применение данной технологии осуществлено автором в условиях системы педагогического образования и, в свою очередь, доказана теоретическая и практическая значимость сформулированных теоретических аспектов и разработанной технологии формирования языковой личности переводчика.

Важно отметить, что методы формирования профессиональных компетенций студентов-переводчиков, основанные на интегративном подходе, развивают потенциал самих студентов, побуждают к активному познанию окружающей действительности, к осмыслению и нахождению причинно-следственных связей, к развитию логики, мышления, коммуникативных способностей. В большей степени, чем обычные, они способствуют развитию речи, формированию умения сравнивать, анализировать, обобщать, делать выводы. Мы доказали, что эффективность интегрированного обучения зависит от правильного, педагогически обоснованного выбора форм организации обучения и его содержания, которое обуславливается глубоким и всесторонним анализом образовательных, развивающих, воспитательных возможностей преподавателя.

Перед системой высшего образования ставится задача подготовки студентов-переводчиков к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и языковой культурой, поэтому задача преподавателя – определить уровень заинтересованности и мотивированности студента (личностно-ориентированный подход), главное учебное действие (содержательный аспект) и подчиненные интегрированные действия (интегративный подход), смоделировать условия, при которых последние могут стать усвоением первого (то есть, к примеру, специальные интегрированные курсы смогут стать оптимальным условием усвоения английского языка). Следовательно, интеграция – это и цель и средство обучения, поскольку она позволяет сформировать у студентов целостное представление путем выявления точек сближения в той или иной области. Круг дисциплин, которые могут оказать значительную поддержку при интегрированном обучении иностранному языку, можно представить так (Рис. 1):

Опора на другие научные дисциплины при изучении английского языка необходима для создания благоприятных условий овладения языковыми навыками, что помогает осуществить перенос знаний с одной дисциплины на другую или избежать интерферирующего взаимовлияния языков. Это помогает преподавателю в определении путей, способов и приемов введения нового языкового материала, в управлении связной речью, в коррективке

и совершенствовании ритмико-интонационных и слухо-произносительных навыков и т.д.

Совершенствование общих и профессиональных компетенций в «интегрированном» составе ориентировано на разностороннее развитие языковой личности переводчика, его общее образование и воспитание, что достигается за счет объединения воспитательных, образовательных и развивающих возможностей разных учебных дисциплин; помогает формировать у студентов более целостную картину мира, в которой сам английский язык является опосредованным средством познания и коммуникации. В результате расширения кругозора создается возможность для формирования и развития более широких интересов студентов, их индивидуальных склонностей и способностей. Это приобретает особую значимость на старших курсах, когда студент выбирает, в какой сфере перевода он будет трудиться в дальнейшем. Становление общих компетенций призвано готовить студентов к участию в межкультурном общении по профильно-ориентированной тематике.

Задачей системы высшего образования является формирование такой языковой личности переводчика, которая бы овладела системой правил, словарным запасом и приобрела умение использовать их в коммуникации и передаче информации от одного лица другому лицу. При этом английский язык является инструментом, а не итоговой целью. Проанализируем процесс реализации данной цели. При применении, к примеру, метода погружения (или прямого метода) на изучение английского языка затрачиваются колоссальные усилия, как преподавателя, так и студентов, что особенно характерно для 1–2 курсов. Но, тем не менее, на наш взгляд, такой метод очень близок к концепту интегративного подхода, поскольку он подразумевает включение уже известных фактов в процесс овладения языком. Интегративный подход позволяет преодолеть ряд языковых противоречий благодаря установлению межпредметных связей. К такому выводу приходит В. С. Безрукова: «Философы понимают интеграцию и как процесс, и как результат разрешения каких-либо противоречий через установление связей; интеграция – это конечная и высшая ступень взаимосвязи, дающая такой продукт, как целостная и непротиворечивая система [2, с. 16]. Интегративный подход предполагает организацию образовательного процесса с включением наиболее подходящих языковых и неязыковых материалов в этот процесс. На сегодняшний день дифференциация научных дисциплин встречается повсеместно, и именно благодаря распространенности этого метода можно легко отделить только необходимое для включения в курс изучения английского языка.

Так как интегративный подход отражает особенности современного этапа развития педагогической теории и гарантирует более высокие позитивные результаты в научной и практической деятельности, она располагает факторами, обеспечивающими ее широкое влияние на педагогическую теорию и практику. Учитывая данные факторы, В. С. Безрукова предлагает следующие принципы реализации интегративного подхода: 1) определите объекты интегрирования; 2) выберите факторы, содействующие интегрированию выделенных объектов, а также не содействующие этому; 3) сформулируйте гипотетический результат с учетом участников образовательного процесса [2, с. 14].

Для практического курса английского языка в системе вузовской подготовки объектом интегрирования будет английский язык. Факторы, способствующие интегрированию, анализируем со стороны преподавателя и со стороны студентов. Со стороны преподавателя – меньшая трата времени, новизна, сочетаемость тем; со стороны студентов – отсутствие повторов, связь теоретических знаний и практических умений. И гипотетический результат – формирование новых умений, расширение словарного запаса, повышение мотивации, иными словами, становление и развитие языковой личности будущего профессионала.

Если переносить вышеизложенные принципы на подготовку преподавателя к занятию по дисциплине «Практический курс английского языка», то объектами будут выступать различные учебные дисциплины в зависимости от изучаемой тематики в конкретный момент: английский язык, география, лингвистика, информатика и т. п. Факторы, способствующие интегрированию, – подбор таких упражнений, которые будут тренировать и лексику, и грамматику так, чтобы это было максимально логично, оправдано и при этом максимально эффективно. Проанализируем реализацию интегративного подхода некоторых заданий, содержащихся в аутентичном учебно-методическом комплексе «Upstream». Предметное содержание речи, которым студент-переводчик овладевает в течение года, уже отображает разнообразие сфер, которые интегрированы в этот курс: 1) межличностные взаимоотношения в семье, со сверстниками; решение конфликтных ситуаций; внешность и черты характера человека; 2) досуг и увлечения (чтение, кино, театр, музеи, музыка); виды отдыха, путешествия; молодежная мода; покупки; 3) здоровый образ жизни: режим труда и отдыха, спорт, сбалансированное питание, отказ от вредных привычек; 4) мир профессии; проблемы выбора профессии; роль иностранного языка в планах на будущее; 5) вселенная и человек; природа: флора и фауна; проблемы экологии; защита окружающей среды; климат, погода; условия проживания в городской/сельской местности; транспорт; 6) средства массовой информации и коммуникации (пресса, телевидение, радио, Интернет); 7) страна/страны изучаемого языка и родная страна, их географическое положение, столицы и крупные города, регионы, достопримечательности, культурные особенности (национальные праздники, знаменательные даты, традиции, обычаи), страницы истории, выдающиеся люди, их вклад в науку и мировую культуру [8, с. 13].

Эти цели реализуют, например, следующие задания из первого модуля:

1) *Look at the picture and the introduction of the text. What city and country is the article about? What do you think you can do there? Read and check.* 2) *Look at the map. What is the capital of each country? What do you know about these countries?* 3) *Use the map and the fares chart to act out similar dialogues, between a ticket seller and a passenger. You want to go from Liverpool Street to: Westminster (2 adult and 2 child), Aldgate (2 adult and 1 child), Euston Square (2 adult)* [8, с. 14]. Эти задания связаны с географией, лингвострановедением. В текстах речь об англоязычных странах, отрабатывается лексика, которые будущие переводчики уже знают, а также идет ознакомление с использованием предлогов, ввод новой лексики, обсуждаются достопримечательности разных городов,

формируется коммуникативное умение диалогической речи, использование теоретического материала в смоделированной реальной речевой ситуации. Также присутствует новизна для студентов, так как они узнают новые факты не только об английском языке (лексика, грамматика), но и о другой стране, культуре, быте, традициях.

Такие задания встречаются на протяжении всего академического курса. Они затрагивают не только географию, но и вопросы культурологии, экологии, этнических групп, кинематографа, литературы, мультипликации, фольклора, культуры, быта, хобби, привычек, истории, современных технологий и др. Функции подобных заданий заключаются не столько в расширении знаний студента по теме текста или диалога, сколько в совершенствовании предметных и метапредметных умений и навыков. Наиболее часто встречаются задания, способствующие развитию диалогической и монологической речи с использованием и устной, и письменной речи (в таких заданиях также развивается креативное мышление и коммуникативные умения); формированию умения чтения (его различных видов), в том числе развиваются прогностические умения (предтекстовые задания); также распространены задания на использование новых грамматических структур.

Итак, интегративный подход реализует полный спектр образовательных задач с включением материалов из разных научных сфер, что повышает эффективность обучения английскому языку и способствует становлению языковой личности будущего переводчика. Перспективы исследований мы видим в дальнейшей разработке данной проблемы.

Список литературы

1. **Аноркулова, Г. М.** Методологические основы системного подхода при подготовке учителей профессионального обучения / Г. М. Аноркулова // Молодой учёный. – 2015. – С. 588–590.
2. **Безрукова, В. С.** Сущность, состав, педагогическая интеграция: механизм реализации / В. С. Безрукова // Интегративные процессы в педагогической теории и практике. – 1990. – С. 5–26.
3. **Ермакова, Л. А.** Интегративный подход к обучению: прошлое и настоящее / Л. А. Ермакова // Современная педагогика. – 2020. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pedagogika.snauka.ru/2016/07/5815> (Дата обращения: 09.09.2022 г.).
4. **Кулиева, Ш. Х.** Формирование профессионально-педагогической компетентности будущих специалистов на основе информационных технологий / Ш. Х. Кулиева, З. Д. Расулова // Молодой учёный. – 2016. – № 8 (112). – С. 977–978.
5. **Сластенин, В. А.** Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В. А. Сластенина. – М. : Академия, 2002. – 576 с.
6. **Тенищева, В. Ф.** Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / В. Ф. Тенищева; Московский государственный лингвистический университет. – М., 2008. – 256 с.

7. Хайдеггер, М. К вопросу о назначении дела мышления / М. Хайдеггер // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Вып. 4 (39). – С. 61–71.
8. Evans V. Upstream Pre-Intermediate B1: Student's Book / V. Evans, J. Doolley. – London : Express Publishing, 2019. – 212 p.

Gryaznova A. M.

Professional Development of the Interpreter's Linguistic Personality within the Framework of an Integrative Approach

The article describes the main pedagogical mechanisms used by a teacher to improve and develop the professionalism of a future translator based on an integrative approach. The concepts of the integrative approach are defined; the content of each component of the integrative approach is described as well. Examples of pedagogical modeling of the translator's linguistic personality in a practical aspect are given, which are conditioned by the specifics of the intellectual needs of the subject of cognition as such.

Key words: *linguistic personality, integrative approach, professional competencies, professional training, key competencies, general competencies, translation, language, integration.*

Каткова Виктория Павловна,
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и практики перевода и общего
языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля»
katkova_lugansk@mail.ru

Прагматический аспект перевода фразеологических единиц в зависимости от типа текста

Статья посвящена рассмотрению прагматического аспекта перевода фразеологических единиц на русский язык. Поднимается вопрос об особенностях перевода фразеологических единиц в зависимости от типа текста, в котором они функционируют. В рамках статьи особое внимание уделено англоязычному публицистическому и художественному тексту. По мнению автора, указанные типы текстов являются наиболее подходящими для анализа прагматического аспекта перевода фразеологических единиц.

Ключевые слова: прагматический аспект, фразеологическая единица, художественный текст, публицистический текст, способы перевода фразеологических единиц.

На современном этапе развития лингвистических исследований немало работ посвящено исследованию особенностей функционирования фразеологизмов не только в художественном тексте, но и в политическом дискурсе, экономическом дискурсе, рекламном тексте, публицистике и даже в научно-популярных статьях. Кроме того, выступая «подвижным» пластом лексики любого языка, фразеология наиболее всего подвержена изменениям, которые происходят посредством адаптации новых фразеологических единиц, трансноминции новых понятий, метафоризации, трансформации фразеологических единиц на лексическом и семантическом уровне.

Целью данной статьи является анализ прагматического аспекта перевода фразеологических единиц в зависимости от типа текста.

Фразеологическая единица – это наиболее сложное с точки зрения лексического, грамматического и стилистического наполнения языковое явление. Несмотря на наличие ряда противоположных точек зрения в научной литературе, в рамках статьи принято понимание фразеологической единицы, которое представлено в трудах В. В. Виноградова: «Лексически связанное неделимое, которое характеризуется устойчивой структурой и составом, при этом в речи воспроизводится как готовый речевой оборот» [1, с. 78].

Исходя из представленного определения, понимаем, что именно такой тип языковых единиц обладает прагматическим потенциалом, который влияет на процесс их перевода на русский язык. Прагматический потенциал фразеологических единиц реализуется с помощью лексических средств, которые

являются строительным материалом данных единиц. Как правило, прагматический потенциал определяется содержанием фразеологической единицы (ее семантическим значением), характером лексических единиц, которые входят в состав фразеологической единицы (морфологические характеристики фразеологической единицы), восприятие фразеологической единицы и ее отражение в коллективном сознании носителей языка.

При переводе указанные характеристики влияют на конечную форму фразеологической единицы в языке перевода. Прагматический аспект в данном случае указывает на необходимость подбора такого варианта перевода фразеологических единиц, который бы полностью или частично отображал семантическое значение (план содержания) фразеологической единицы. Другими словами, в процессе перевода лексическое выражение исходной фразеологической единицы отходит на второй план, тогда как семантическое наполнение конечного фразеологического эквивалента является приоритетным.

Принимая во внимание указанные основные теоретические положения данной статьи, был выбран ряд англоязычных публицистических и художественных текстов, в которых представлены фразеологические единицы.

Первый текст, выбранный для анализа, освещает политические события Америки XIX века [2, с. 67–69], относится к публицистическому стилю и характеризуется широким использованием фразеологических единиц, архаичных слов, авторских окказионализмов, клишированных выражений, которые характерны для данного исторического периода. Прагматический аспект перевода фразеологических единиц, которые представлены в данном тексте, выражается в следующем.

1. Политическая терминология и клишированные выражения, которые могут быть отнесены к фразеологическим единицам и устойчивым оборотам. На данный момент такие обороты представлены в книжном варианте английского языка и требуют обращения к историческим событиям, которые происходили в Англии в XIX веке, например: *...and Tyler became the first "accidental President."* - *...и Тайлер стал первым «случайным президентом»* [2, с. 67].

В данном примере уже ставшее нарицательным выражение *Accidental President* переведено с помощью калькирования, при этом наблюдается полное соответствие плана содержания и плана выражения рассматриваемой фразеологической единицы. Обратимся к исторической справке: «случайными президентами Америки» становились Миллард Филлмор (*Millard Fillmore*) (13 президент); Андрю Джонсон (*Andrew Johnson*) (17 президент); Теодор Рузвельт (*Theodore Roosevelt*) (26 президент); Джеральд Форд (*Gerald Ford*) (38 президент), а также Джон Тайлер (*John Tyler*), Гарри Труман (*Harry S Truman*), Дональд Трамп (*Donald Trump*). Семантический смысл выражения заключается в том, что человек, который занял пост президента страны, был избран в результате махинаций в ходе предвыборной кампании или же по причине смерти предыдущего президента.

2. Индивидуально-авторские фразеологизмы, которые в другом контексте утрачивают свою семантическую целостность, например: *Harrison, remarked Philip Hone, was "sung into the Presidency" ...he was only saluted with a fresh deluge of music....* – *Как заметил Филипп Гон «Харрисона привели к*

президентству песнями» ...его осаживали свежим ливнем музыки [2, с. 68].

В данном примере выражение *sung into the Presidency* передано на русский язык с помощью комплексной переводческой трансформации, при этом переводчик воспользовался рядом переводческих приемов, а именно: лексическая замена, перестановка, добавление. Рассматриваемая языковая единица вне предлагаемого контекста не функционирует, а распадается на отдельные независимые лексические единицы. При этом сематическое содержание указанной окказиональной единицы заключается в скрытой манипуляции сознанием народа, который под влиянием политической пропаганды выбрал на пост президента Гаррисона. В русском языке функционирует грубое выражение «лить в уши», по плану содержания именно данная фразеологическая единица наиболее соответствует исходной англоязычной единице.

Второй текст, выбранный для анализа прагматического аспекта перевода фразеологических единиц, представлен в свободном доступе в электронном издании «New York Times». Статья экономической тематики, посвященная проблемам в сельскохозяйственном секторе экономики [3]. Анализируя прагматический аспект перевода фразеологических единиц в данном тексте, приходим к выводу, что представленные фразеологизмы служат, прежде всего, средством выразительности. Функционирование фразеологических единиц в данной статье связано с желанием автора точно и ярко воплотить образ, который остался бы в читательской памяти в качестве знака журналистской позиции. В определенной мере это форма выделения авторской мысли, попытка обратить внимание на суть излагаемых событий, например: *The privileges of farmers have long been a hot-button issue in for the people. The country's creditors have pressed past governments to rein in farmers' benefits.* – *Кредитные привилегии для фермеров уже давно являются камнем преткновения и вызывают недовольство. Кредиторы давно давят на правительства с целью сократить дотации фермерам* [3].

В представленном примере наблюдаем довольно частотное для публицистического стиля выражение *a hot-button issue*. При использовании эквивалента возможен вариант *политизированный* / *животрепещущий* вопрос, однако план содержания данного эквивалента не совсем точно отображает исходной посыл, поскольку в статье речь идет о столкновении интересов фермеров и кредитных организаций. По этой причине переводчик воспользовался вариантным соответствием и на первый план выдвинул содержание англоязычной фразеологической единицы.

Третий текст, выбранный для анализа – роман Н. Хорнби «Мой мальчик» (N.Hornby “About a Boy”, 1998) [4]. Поясним выбор данного художественного произведения. Главной особенностью романа Н. Хорнби «Мой мальчик» являются контекстуальные трансформации фразеологических единиц, которые играют ключевую роль в отражении литературного пространства произведения, что вместе с тем реализует и прагматический потенциал используемых фразеологических единиц.

После проведенного анализа, было установлено, что основной трансформацией фразеологических единиц является преобразование структуры фразеологических единиц, которая заключается в замене лексического компонента.

Замена лексического компонента фразеологической единицы, в первую очередь, обусловлена контекстом и необходимостью достижения определенного стилистического эффекта. Продемонстрируем данную особенность с помощью следующего примера:

“Will found endings difficult: he had never quite managed to grasp the bull by the horns, and as a consequence there had hitherto always been some kind of messy overlap.” – Расставания Виллу давались нелегко: он никогда не мог довести дело до конца, и как результат все превращалось в хаос [4, с. 7].

Автор, используя во фразеологической единице глагол *to grasp / to grab* (хватать), который семантически более эмоционален по сравнению с семантически нейтральным глаголом *to take* (брать), подчеркивает страх главного героя перед выяснением отношений с бывшими подругами, его нерешительность и трусость. При переводе трансформированной фразеологической единицы автор использует подбор окказионального соответствия, который подиктован контекстом использования. Автор уходит от метафорического образа исходной фразы и использует более удачное выражение, подходящее по смыслу. Также обратим внимание и на перевод словосочетания *messy overlap*. Переводчик воспользовался опущением и генерализацией, и в результате фраза была переведена с помощью емкого, но стилистически более сильного существительного *хаос*.

Основываясь на проведенном анализе, следует выделить ряд особенностей, которые определяют прагматический аспект перевода фразеологических единиц в зависимости от типа текста.

1. При переводе фразеологической единицы важно учитывать функцию данной единицы в тексте. Так, для публицистического текста политической тематики характерны фразеологические единицы, которые используются в изобразительной и манипулятивной функции. Для публицистического текста экономической тематики характерно использование фразеологических единиц в функции донесения авторского замысла и усиления выразительности текста. Функции фразеологических единиц в художественном тексте разнообразны и варьируются от характеризующей до эмоционально-оценочной.

2. В большинстве публицистических и художественных текстов представлены индивидуально-авторские фразеологические единицы, которые вне контекста использования утрачивают семантическую целостность и распадаются на независимые лексические единицы. Данный аспект указывает на авторскую позицию и требует от переводчика обращать внимание на план содержания фразеологической единицы, при этом воспринимая ее через призму сознания автора текста. Такой подход к переводу фразеологической единицы требует от переводчика обращения к истокам ее возникновения и к ее лингвокультурной составляющей;

3. Нередко в художественном и публицистическом тексте представлены фразеологические единицы, которые были трансформированы (как правило, это замена лексических частей исходной фразеологической единицы). Нередко трансформированные фразеологические единицы являются показателем авторского стиля писателя, отражением авторской позиции журналиста. При переводе необходимо учитывать причины трансформации (например, эконо-

мические или культурные изменения в обществе, создание дополнительных стилистических оттенков иронии или сарказма и т. п.);

4. Для реализации прагматического потенциала фразеологической единицы независимо от типа текста основное внимание переводчик обращает на план содержания исходной англоязычной фразеологической единицы и только потом переходит к реализации ее плана выражения.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в более детальном изучении отдельных аспектов перевода фразеологических единиц с английского языка на русский и их компаративном анализе.

Список литературы

1. **Виноградов, В. В.** Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
2. **Shafer, G. R.** The Carnival Campaign: How the Rollicking 1840 Campaign of “Tippecanoe and Tyler Too” Changed Presidential Elections Forever / Ronald G. Shafer. – Chicago Review Press, 2016. – 288 p.
3. **Hoping to Save a Way of Life by Rooting Out Greeks Who Farm on Paper // The New York Times** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2015/10/24/world/europe/hoping-to-save-a-way-of-life-by-rooting-out-greeks-who-farm-on-paper.html>, свободный. (Дата обращения: 12.07.2022 г.).
4. **Hornby, N.** About a Boy / Nick Hornby. – Gardners Books, 2002 – 288 p.

Katkova V. P.

The Pragmatic Aspect of Translating Phraseological Units, Depending on the Type of the Text

The article dwells upon the pragmatic aspect of translating phraseological units into Russian. Emphasis is done on the peculiarities of translating phraseological units depending on the type of text in which they function. Within the framework of the article, special attention is paid to the English feature texts and publicist texts of political and economic spheres. From the author’s point of view the marked types on texts are the most suitable for analyzing the pragmatic aspect of translating phraseological units.

Key words: *pragmatic aspect, phraseological unit, feature text, publicist text, ways of translating phraseological units.*

Каткова Виктория Павловна,
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и практики перевода и общего языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля»
katkova_lugansk@mail.ru

Борзых Елена Александровна,
ст. преподаватель
кафедры теории и практики
перевода и общего языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля»
elenalborzykh@list.ru

К вопросу о методологии перевода безэквивалентной лексики

Статья посвящена рассмотрению методологии перевода безэквивалентной лексики. На основании сопоставительного анализа выделены основные аспекты, которые оказывают влияние на процесс перевода безэквивалентной лексики. С целью иллюстрации сформулированных выводов статьи авторами приводятся таблицы с примерами использования безэквивалентных единиц и вариантами их перевода. В рамках статьи особое внимание уделено англоязычным текстам публицистического, научно-технического и инструктивного характера.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, способы перевода, методология перевода, виды безэквивалентной лексики, факторы, влияющие на методологию перевода.

На современном этапе развития лингвистических учений все чаще исследователи обращаются к природе, функциям и способам передачи безэквивалентных единиц с иностранного языка на русский язык. Данный вопрос освещается достаточно глубоко в ряде учебных и научных трудов таких авторов, как С. И. Влахов, В. Н. Комиссаров, В. Н. Крупнова, Л. К. Латышева В. Сдобникова и др. Однако, несмотря на наличие огромного пласта работ, обнаруживаются противоречия, которые обосновывают актуальность вопроса о методологии перевода безэквивалентных единиц. Как показывает анализ научных трудов, данные противоречия, прежде всего, связаны с тем, что язык – это живой организм, который находится в процессе постоянного изменения, то есть, под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов язык пополняется новыми лексическими единицами, которые, в свою очередь, заполняют языковые лакуны. Процесс постоянного видоизменения приводит к возникновению новых реалий, неологизмов, окказионализмов, фразовых единиц, которые еще не имеют аналогов в языке перевода. Данный факт является причиной поиска новых методов перевода безэквивалентных единиц, которые в совокупности с уже используемыми на практике способами и приемами образуют методологию перевода.

Целью статьи является сопоставительный анализ перевода безэквивалентных единиц, который позволит обосновать методологию перевода данного пласта лексики.

Обращаясь к работам В. Н. Комиссарова, Л. К. Латышева, следует обозначить, что безэквивалентная единица – это, прежде всего, языковой юнит (слово, словосочетание или фраза), которая не имеет аналога в языке перевода [1, с. 123]. В этой связи в работах обозначенных выше ученых к данной категории лексических единиц отнесены:

1) слова, обозначающие реалии, характерные для англоязычного сообщества и не представленные в языке перевода;

2) онимы, слова-названия, которые нуждаются в переводческом комментарии и требуют отхождения от традиционных переводческих трансформаций, таких как транслитерация или транскрибирование;

3) неологизмы и авторские окказионализмы, которые возникают и функционируют в различных видах дискурса под влиянием социальных, культурных или экономических изменений, кризисов или потрясений;

4) фразеологические единицы, которые, несмотря на принятый алгоритм перевода, не всегда соответствуют семантическому наполнению переводного варианта. Кроме того, современные фразеологические единицы нередко нуждаются в переводческом комментарии или в описательном переводе [2, с. 109].

Рассматривая методологию перевода безэквивалентной лексики, следует обозначить, что не всегда комплекс уже закрепленных переводческих приемов (описательный перевод, транслитерация, транскрипция и т. п.) отражает ее семантическое наполнение. С целью обоснования методологии перевода безэквивалентных единиц был выбран метод сопоставительного анализа.

Изначально был проведен предпереводческий анализ выбранных текстов, что позволило выявить зависимость способа перевода безэквивалентной единицы от таких факторов, как:

- характер текста;
- значимость лексических единиц в контексте;
- характер, положение и функция в лексических системах языка оригинала и перевода;
- сущность анализируемых языков: словообразовательная активность, потенциал к восприятию и адаптации новых лексических единиц;
- литературная и языковая традиция;
- целевая аудитория перевода и оригинала.

Следует проверить данные положения на практике, сравнив варианты перевода безэквивалентной лексики в текстах различных жанров. Для сопоставительного анализа были отобраны новостные форумы, публицистические статьи, научно-технический текст, кулинарные рецепты, инструкции по эксплуатации. Обоснуем данный выбор: новостные тексты и публицистические статьи являются отражением современного состояния языка; научно-технический текст – это сфера функционирования книжного варианта языка; инструкции и кулинарные рецепты – это пример использования стандартизированных форм языка в контексте устоявшихся речевых оборотов. Кроме того, для проведения сопоставительного анализа был привлечен словарь «Longman

Dictionary of Contemporary English» [9], который использовался нами как средство для уточнения сущности безэквивалентной единицы.

Ниже, в таблице 1, рассмотрен пример перевода безэквивалентной единицы *hob*, а также представлен контекст ее употребления:

Таблица 1

Публицистика	Новостные форумы	Научно-технический текст	Longman Dictionary of Contemporary English
I'm having my kitchen redone and am torn about whether to get a gas or induction hob [5] – Я обновляю кухню и не знаю какую поверхность выбрать индукционную или варочную.	But just before Christmas the induction hob developed a fault and half the rings stopped working...[6] – Но как раз перед Рождеством печь сломалась и половина варочной панели перестала работать...	They can be positioned right on the wall above the hob [7]. – Они могут крепиться на стену над варочной поверхностью.	Hob – the top part of a cooker that you put pans on; the flat top of a cooker (BRE) [9]

Как можно заметить, в зависимости от типа текста, безэквивалентная единица *hob* переводится с помощью эквивалента, гиперонимического перевода или с помощью генерализации. Тем не менее, основываясь на пояснении в словаре «Longman Dictionary of Contemporary English», следует полагать, что наиболее точным вариантом для данной безэквивалентной единицы является *варочная / газовая панель* (верхняя часть плиты, на которую ставят посуду). В реалиях русского языка пользователи плит не отделяют варочную панель от газовой плиты в силу сложившегося стереотипа о том, что печь для приготовления еды должна быть объединена с духовым шкафом.

Далее обратим внимание на безэквивалентную единицу *eggs Benedict*. Варианты перевода и контекст употребления данной единицы представлены в таблице 2:

Таблица 2

Новостные форумы	Кулинарный рецепт	Longman Dictionary of Contemporary English
Learn to make: Eggs benedict! – Научитесь готовить яйца Бенедикт! [4]	Яйца Бенедикт (блюдо на завтрак в виде бутерброда с яйцами-пашот и голландским соусом) [3]	Eggs Benedict is an American breakfast dish consisting of poached eggs and sliced ham on toasted muffins, covered with hollandaise sauce [9]

Как можно заметить, данная безэквивалентная единица переводится во всех типах текстов с помощью сочетания таких переводческих приемов, как калькирование и транслитерация. Только в кулинарном рецепте данная единица сопровождается переводческим комментарием, поскольку носитель русского языка будет испытывать затруднения при понимании сущности данного блюда и, как результат, его приготовления. Наличие единого толкования безэквивалентной единицы объясняется тем, что данная единица обозначает реалию, а именно блюдо на завтрак, которое пользуется популярностью у жителей Канады и США.

Интерес представляет и безэквивалентная единица *savarin*. Ее перевод и контекст употребления представлен в таблице 3:

Таблица 3

Публицистика	Кулинарный рецепт	Longman Dictionary of Contemporary English
Brilliant Savarin was, the first to coin the phrase: «You are what you eat» [6] – Его величество Саварен стал первым гастрономическим произведением искусства, с помощью которого воплотили в жизнь фразу «Вы – это то, что Вы едите».	The batter for a savarin is related to the dough used in brioche but with less flour, making it looser and stickier [3]. – Тесто для ромовой бабы больше похоже на песочное тесто, но с меньшим количеством муки. Консистенция более липкая и тягучая.	savarin – a spongelike cake leavened with yeast, baked in a ring mold, and often soaked with a rum syrup [9].

Как можно заметить, данная безэквивалентная единица переведена с помощью транслитерации в публицистике. Рассмотрим более подробно особенности перевода представленного отрывка. Использование экспрессивного прилагательного *brilliant* перед безэквивалентной единицей *savarin* позволяет переводчику использовать олицетворение при переводе всей фразы. Кроме того, устоявшаяся фраза «*You are what you eat*» требует от переводчика использования добавления на синтаксическом уровне, что позволяет сохранить исходный стилистический уровень, который наблюдается в англоязычном варианте.

В кулинарном рецепте наблюдаем замену безэквивалентной единицы *savarin* реалией, близкой по значению в русском языке. Такой же прием отмечается и при переводе единицы *brioche*. Указанные приемы обосновываются отсутствием кулинарных реалий в русском языке. Если бы переводчик воспользовался транслитерацией при передаче лексических единиц *brioche* и *savarin*, то они бы были не понятны русскоязычным читателям. Отметим, что применительно к русскоязычному лингвокультурному сообществу наиболее точный вариант перевода единицы *savarin* – *Ромовая баба*, то есть, пористый дрожжевой пирог, пропитанный ромом. Расхождение в переводе анализируемой единицы можно объяснить тем, что публицистика нацелена на разно-

зычную аудиторию, тогда как кулинарные рецепты – на русскоязычную. Кроме того, следует обозначить, что данную безэквивалентную единицу следует рассматривать как вид кулинарной реалии, которая обозначает десерт, характерный для французской кухни.

Далее следует обратить внимание на перевод безэквивалентной единицы *memes*. Варианты перевода и контекст употребления данной единицы представлены в таблице 4.

Таблица 4

Публицистика	Новостные форумы	Научно-технический текст	Longman Dictionary of Contemporary English
Suez canal drama – and a tiny bulldozer – inspire wave of memes [6] – Драма на Суэцком канале – и крошечный бульдозер – стали причиной волны новых мемов	We consider the art of internet memes as the World Wide Web turns 30 [5]. – Мы рассматриваем искусство создания мемов в интернете, когда Всемирной паутине исполняется 30 лет	Memes spread rapidly on the internet for many different reasons [7]. – Веселые подвижные картинки (мемы) распространяются достаточно быстро. Причин для этого предостаточно	meme: 1. a feature of a culture, for example its language, that is passed from one generation to the next 2. a humorous image, video or piece of text that spreads very quickly on the internet, often being changed by different users [9]

Как можно заметить, данная безэквивалентная единица передается с помощью описательного перевода в техническом тексте (*искусство создания веселых картинок*); в новостных форумах и в публицистике – транскрипция (*мемы*). Наиболее удачным вариантом перевода данной единицы является транскрипция и ее переводческий комментарий. Однако на данный момент лексическая единица *мем* не нуждается в пояснении, поскольку приобрела широкое применение на просторах интернета и следует говорить об ее укреплении в разговорном пласте русского языка.

Далее следует рассмотреть особенности перевода безэквивалентной единицы *power bank chargers*. Данная единица по своим семантическим характеристикам является термином, что, в свою очередь, определяет алгоритм ее перевода. В таблице 5 представлены варианты перевода данной единицы и контекст употребления.

Таблица 5

Публицистика	Новостные форумы	Инструкция по эксплуатации	Longman Dictionary of Contemporary English
If the Anker is too expensive, the RavPower USB-C power bank chargers 26,800mAh is half price at £56 with the same 30W USB-C [6] – Если беспроводная зарядка для телефонов фирмы Anker слишком дорога для Вас, используйте RavPower. Половина цены за те же характеристики.	Owners of Amazon's own-brand power bank chargers have been contacted by the firm telling them to stop using them [5]. – Фирма связалась с владельцами внешних портативных аккумуляторов для гаджетов, являющихся собственностью бренда Амазон, и попросила прекратить их использование	You should never use power bank chargers with accuracy while being near the water [8] – Никогда не используйте зарядку для мобильного телефона вблизи воды.	power bank chargers – a piece of equipment used for providing a battery with electricity [9]

Основываясь на представленных вариантах перевода, следует обозначить, что в публицистике семантическое наполнение анализируемой безэквивалентной единицы сужено до *беспроводной зарядки для телефонов*. Кроме того, в публицистике наряду с полным термином *power bank chargers* функционирует и усеченный термин – *chargers / battery*, под которым также подразумевается *беспроводная зарядка для мобильного телефона*. Следует говорить об использовании опущения при переводе данной лексической единицы и понижении статуса лексических единиц, которые используются при переводе, а именно использование сленговых вариантов.

В новостных форумах представляется описательный перевод данной терминологической единицы – *внешние портативные аккумуляторы для гаджетов*. Кроме того, следует обозначить, что последний элемент термина в русском варианте был добавлен. Такое добавление немотивированно, поскольку в тексте речь идет о мобильных телефонах. В данном случае следовало бы воспользоваться конкретизацией и обозначить техническое устройство. Следует также отметить, что семантика представляемой единицы расширена, что позволяет говорить об использовании генерализации. В научно-техническом тексте, напротив, семантическое значение единицы сужается, и воспроизводится только наиболее значимая часть исходной единицы.

Следует обратить внимание на перевод безэквивалентной единицы *soundtrack*. Перевод и контекст употребления данной единицы представлен в таблице 6.

Таблица 6

Публицистика	Новостные форумы	Longman Dictionary of Contemporary English
John Williams doesn't just soundtrack films, he soundtracks entire childhoods [6]. – Джон Вильямс не просто пишет саундтреки для фильмов, он пишет их для детства.	It is a selection of the best tracks from the epic soundtrack [5]. – Это подборка лучших эпических треков к фильму.	soundtrack – the music that is played during a film or television program, or a CD of this music [9]

В публицистических статьях представлено не только существительное, но и неологизм, который был образован посредством конверсии – *to soundtrack*. Данная единица передается с помощью описательного перевода и с помощью транслитерации. В новостных форумах наблюдаем использование генерализации, при этом опускается часть сложного слова, которая указывает на вид трека. Кроме того, на уровне всей фразы наблюдаем опущение, которое позволяет избежать тавтологии при переводе.

Основываясь на проведенном сопоставительном анализе особенностей перевода безэквивалентной лексики, следует выделить ряд аспектов, которые позволяют говорить об общей методологии перевода рассматриваемых единиц.

1. Способ перевода безэквивалентной лексики, который выбирает переводчик, непосредственно зависит от контекста ее использования. Так, например, в процессе проведения сравнительного анализа переводов безэквивалентной лексики внимание было уделено кулинарным рецептам. В данном типе текста безэквивалентная лексика переводилась с помощью замены на реалию, которая близка по своей семантике к англоязычной реалии. В новостных форумах, публицистике такие единицы переводились, в основном, с помощью транслитерации и транскрипции.

2. На выбор способа перевода безэквивалентной лексики влияет значимость лексической единицы в тексте, а также стиль изложения, которого придерживается автор. В данном случае следует говорить о литературной традиции, которая сложилась в двух языках. Так, например, научно-технический текст характеризуется сжатостью изложения и преобладанием номинативной функции. Именно по этой причине наблюдался более сжатый компрессионный перевод, цель которого – передача основной семантической нагрузки безэквивалентной единицы. Также в процессе анализа внимание уделялось инструкциям по эксплуатации, однако процесс перевода безэквивалентных единиц был подобным. В публицистике, напротив, наблюдалось расширение фраз, использование добавления, и достаточно часто безэквивалентные единицы передавались транслитерацией. В кулинарных рецептах, напротив, на-

блюдаем тенденцию к поиску слова, которое соответствует по семантическим характеристикам исходной лексической единице.

3. Семантическое наполнение безэквивалентной единицы также оказывает влияние на способ ее перевода. Так, в случае с единицами, которые используются для обозначения кулинарных реалий, семантическое наполнение более узкое, что позволяет говорить об их однозначности. Безэквивалентные единицы, которые обозначают предметы или объекты реальной действительности, и которые уже частично ассимилировались в русском языке, характеризуются многозначностью. В данном случае нередко достаточно эффективным для понимания безэквивалентной единицы является переводческий комментарий.

Таким образом, перспективы дальнейших исследований мы видим в дальнейшей разработке вопросов, которые непосредственно связаны с методологией перевода безэквивалентной лексики, а именно:

– текстовая оболочка и стилистика текста, в котором функционируют безэквивалентные единицы;

– позиция безэквивалентной лексики в языке перевода, а именно во внимание должно приниматься наличие или отсутствие закрепленного варианта перевода или аналога;

– словообразовательная активность и степень адаптации безэквивалентной лексики в языке перевода.

Список литературы

1. **Латышев, Л. К.** Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 4-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2008. – 320 с.
2. **Комиссаров, В. Н.** Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
3. **Recipes // The Spruce Eats** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thespruceeats.com/recipe-5093876>, свободный. (Дата обращения: 14.08.2022 г.).
4. **The Physiology of Taste // The Guardian** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2009/nov/22/physiology-of-taste-brillat-savarin>, свободный. (Дата обращения: 13.08.2022 г.).
5. **‘You should try fish and chips’: UK scouts praised for welcoming Ukrainian refugees // The Guardian** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/aug/23/uk-scouts-praised-for-welcoming-ukrainian-refugees-save-the-children>, свободный. (Дата обращения: 15.08.2022 г.).
6. **Record profits for grain firms // The Guardian** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2022/aug/23/record-profits-grain-firms-food-crisis-calls-windfall-tax>, свободный. (Дата обращения: 16.08.2022 г.).
7. **An exquisitely preserved in-ovo theropod dinosaur embryo sheds light on avian-like prehatching postures // IScience** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589004221014875>, свободный (Дата обращения: 14.08.2022 г.).

8. **The user manuals** // Manuals for you [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.samsung.com/us/support/answer/ANS00077583>, свободный. (Дата обращения: 14.08.2022 г.).
9. **Longman Dictionary of Contemporary English** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/>, свободный. (Дата обращения: 16.08.2022 г.).

**Katkova V. P.,
Borzykh E. A.**

On the Issue of the Methodology of Translation of Non-equivalent Units

The article dwells upon the methodology of translation of non-equivalent vocabulary. Based on the comparative analysis, the main aspects that influence the translation process of non-equivalent units are highlighted. In order to illustrate the conclusions of the article, the authors provide tables with examples. Within the article, special attention is paid to English texts of a journalistic, scientific-technical and instructional nature.

Key words: *non-equivalent vocabulary, translation methods, translation methodology, types of non-equivalent vocabulary, factors affecting the methodology of translation.*

УДК 811.161.1'373'25:3447

Фомина Светлана Борисовна,
канд. филол. наук, доцент
кафедры теории и практики
перевода и общего языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля»
sbfomina@gmail.com

Лексико-структурные характеристики юридической терминологии и способы ее передачи на русский язык

В статье рассматриваются лексико-структурные характеристики юридической терминологии, способы ее передачи на русский язык и особенности перевода. Юридический текст рассмотрен как сфера функционирования специфических терминологических единиц, что не исключает присутствия таких лексических единиц, как неологизмы, фразеологизмы, лексика иноязычного происхождения, отмечены метафорические средства как источник терминологизации, определены характерные структурные типы терминологических единиц, а также переводческие решения при передаче значений юридической терминологии.

Ключевые слова: юридический текст, семантика, лексика, терминология, способы перевода.

На сегодняшний день следует выделить особую роль специальной литературы в современной общественной жизни. Обращение к специальной литературе зачастую связано с необходимостью как расширить общий кругозор, так и получить необходимую информацию по интересующей тематике. Юридические тексты представляют особый интерес в современном обществе. С точки зрения лингвистики, характерными особенностями данной литературы считаются ее стиль, грамматика, а также лексический состав.

Наиболее характерной лексической особенностью юридической литературы является насыщенность текста терминами и терминологическими фразами, а также наличие грамматических структур и сокращений.

Основная задача специального перевода – предельно ясно и точно донести информацию. Это достигается путем логичного изложения фактического материала без явно выраженной эмоциональности. Зачастую специальные юридические тексты носят научный характер, соответственно, стиль данной литературы можно отнести к формально-логическому.

Перевод юридических текстов важен в связи со стремительным развитием самой науки юриспруденции в современном мире, соответственно, востребованность такой переводческой деятельности с годами будет расти.

Проблематика исследования связана с выявлением трудностей перевода, обусловленных отклонениями, имеющими место на лексическом и грамматическом уровнях, а также ростом международных контактов, что приводит к тому, что все большее количество лингвистов обращаются к из-

учению круга вопросов, связанных с проблемой перевода юридических научных текстов.

Актуальность тематики сопряжена с комплексным подходом в описании англоязычной юридической терминологии и выявлением трудностей в достижении адекватности перевода, что проявляется как на лексико-семантическом, так и на грамматическом уровнях.

В исследовании применяется метод анализа и синтеза теоретического материала, метод контент-анализа с целью выявления характерных лексических единиц, описательный метод, метод компонентного анализа.

В статье рассматриваются как экстралингвистические, так и лингвистические факторы функционирования юридической терминологии, проведен структурный анализ терминов, представлен анализ юридической лексики, предложены и обоснованы способы перевода.

Объектом изучения является текст юридического характера.

Предметом исследования является выявление и отбор переводческих решений в переводе специфической лексики и терминологии в современном юридическом тексте с целью достижения максимальной адекватности при их переводе.

Цель статьи – изучение функционирования юридической терминологии и способов ее передачи с английского на русский язык.

Стиль современной английской юридической научной литературы основан на нормах английской письменности со своими особыми характеристиками, а именно: касательно лексики, используется большое количество терминов и заимствований. Научность юридического текста достигается за счет логически обоснованного изложения фактического материала, без использования эмоциональных слов и выражений, что соответствует формально-логическому стилю изложения [4, с. 92].

Грамматике присущи устоявшиеся в письменной речи нормы. Чаще всего в предложениях используются пассивные, безличные и неопределенно-личные конструкции. Для достижения логического изложения материала используются простые предложения с конструкциями, усложненными вводными словами и словосочетаниями (*on the one hand, according to*, и др.). Довольно часто также встречаются сложные предложения с союзами, указывающими на связь между предложениями (*because, while* и др.), употребляются клише и штампы (*moreover* – более того, *at the end of the day* – в итоге, в конце концов, *however* – однако, *unlike* – в отличие от, *meanwhile* – между тем и др.).

Наиболее очевидной, но не единственной чертой стиля юридической литературы, является использование специальной терминологии. К терминам относят специальные слова, ограниченные их конкретной целью; слова, которые имеют тенденцию быть недвусмысленными как точное выражение понятий и названий вещей. Термин не нуждается в контексте, как обычное слово, так как является членом определенной терминологии, который выступает вместо контекста [3, с. 169]. Термин имеет строго определенное значение, которое может быть раскрыто логическим определением, устанавливающим место обозначаемого термином понятия в системе понятий данной области знаний [8, с. 74].

Лексика юридической литературы делится на три основных слоя. Прежде всего, это общеупотребительная лексика и служебные слова. Затем выделяется фактический терминологический слой, и третий слой – общенаучная лексика [5, с. 85].

Относительно структуры, юридическую терминологию можно разделить на:

простые термины (один корень): *law* (закон), *solicitor* (солиситор);

сложные термины (два корня): *lawgiver* (законодатель), *householder* (домовладелец);

словосочетания (многословные термины): *common law* (общее право), *family law* (семейное право), *public debt* (государственный долг).

Анализ лексических единиц показал, что словосочетания преобладают в юридической терминологии, что подтверждает мнение лингвистов о том, что составные термины преобладают в большинстве языков. Данный факт может быть связан со способностью лексической единицы являться термином лишь при условии выражения цельного понятия, где один из элементов является отраслевым, т.е. главным, а другой зависимым [8, с. 74].

Рассмотрим лексическую репрезентацию юридической терминологии, представляющую наибольший интерес для лингвиста своей прецедентностью, образностью. Юридическая терминология предполагает использование аббревиатур, понятных специалисту: *A/n* (*above-named* – вышеупомянутый). *This is actual for the a/n persons.* – Это актуально для вышеупомянутых лиц. *N.s. (not signed). N.s. documents are invalid* – неподписанные документы недействительны [1].

Образование аббревиатур зачастую связано с необходимостью использования меньшего количества лексики. В основе аббревиации лежит прагматический аспект, а научно-технический прогресс влияет на пополнение лексического состава языка, что, в свою очередь, позволяет отнести юридический текст к специальному типу текста.

Отметим наличие фразеологизмов, испытавших на себе процесс терминологизации, среди юридической лексики: *Open-and-shut case* (*простое / очевидное дело*) – *Bob's death was an open-and-shut case of suicide.* *Legal age* (*совершеннолетие*) [7].

Метафоризация также присуща юридической терминологии, так привычные слова: Термины-метафоры функционируют и в профилирующих, и в специальных, и в комплексных отраслях права, например: *narrow confinement* (досл. узкое заключение) – заключение со строгим режимом изоляции; *red-handed criminal* (досл. преступник с красными руками) – преступник, пойманный с поличным; *prayer in aid* (досл. молитва о помощи) – просьба о помощи, просьба ответчика по вещному иску [2, с. 505]

Таким образом, семантический способ словообразования, а именно метафоризация, связан с терминологизацией общеупотребительной лексики. Присутствие метафор можно пояснить наличием концептуальной картины мира в сознании человека и способности к ассоциативному мышлению [8, с.75].

Следует отметить появление неологизмов, что зачастую обусловлено состоянием общества и связью юриспруденции с общественными науками:

stay-in – пикетирование, *has-been* – политический деятель, потерявший свое влияние.

На данный момент для перевода терминов используют различные способы. Рассмотрим типичные способы перевода различных терминов: относительно лексических проблем перевода они связаны с путями передачи терминов, интернационализмов, свободных словосочетаний, многозначных слов и безэквивалентных единиц. Калькирование – буквальный, пословный перевод некоторых элементов слова или словосочетания применяется при схожести структуры лексической единицы.

Калькированием зачастую переводятся словосочетания, либо аббревиатуры: *control system* – *система контроля* (отметим наличие инверсии), *full employment* – полная занятость, *identifiable assets* – идентифицируемые активы, *temporary difference* – временная разница, *illegal exploitation* – незаконное использование, *A/n (above-named)* – вышеупомянутый).

Перевод с помощью лексического эквивалента (полного, либо частичного): *legal case* – судебное дело, *lawgiver* – законодатель, *witness* – свидетель.

Перевод с помощью аналога (использование одного из нескольких возможных синонимов, который вызывает схожие эмоции, реакции у реципиента): *claim* – иск, претензия, требование; *attorney* – адвокат, прокурор, поверенный, юрист, защитник, доверенное лицо [9, с. 55].

Транслитерация и транскрибирование (транскодирование): *bill* – билль, *client* – клиент, *solicitor* – солиситор.

Интернационализмы правовой тематики транслитерируют или транскрибируют в языке перевода: *contract* – контракт, *civil* – цивильный (гражданский) [6, с. 98].

Описательный перевод: *curriculum* – учебная программа по юриспруденции, *the freedom of the rule* – право на выступление в шотландских судах, *originator* – кредитная организация, выдавшая кредиты, которые затем продаются специальному юридическому лицу.

Возможен перевод одного слова словосочетанием, например: *conversion* – присвоение имущества, *recovery* – взыскание в судебном порядке.

Конкретизация: *offence* – правонарушение; *criminal offence* – уголовное преступление; *disorderly offence* – нарушение общественного порядка.

Итак, применение переводческих трансформаций полностью оправдано при передаче значений юридической терминологии, причем транскодированию зачастую подвержены заимствования; калькирование используется при передаче смысла словосочетаний и аббревиатур; описательный перевод – при отсутствии эквивалента, либо понятия в переводящем языке. Зачастую способ перевода непосредственно зависит от структуры и типа лексической единицы, языковых реалий.

Данная статья не охватывает всей проблематики по насущной тематике исследования юридического текста и терминологии, однако может служить основой для дальнейших научных изысканий.

Список литературы

1. **Английские сокращения в юриспруденции и бизнесе** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.englishdom.com/blog/anglijskie-sokrashheniya-v-yurispudencii-i-biznese/>, свободный. (Дата обращения: 16.09.2022 г.).
2. **Гаврилова, И. А.** Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии / И. А. Гаврилова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 504–512.
3. **Гореликова, С. Н.** Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке / С. Н. Гореликова // Вестник ОГУ. – 2002. – №6. – С. 168–179.
4. **Денина, О. О.** Использование переводческих трансформаций для достижения адекватности перевода / О. О. Денина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – 191 с.
5. **Лату, М. Н.** Когнитивные аспекты образования синонимии в терминологии (на примере англоязычной и русскоязычной терминологии программирования) / М. Н. Лату // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24. – С. 84–86.
6. **Некрасова, Т. П.** Юридический перевод : сборник статей. С русского юридического на английский общепонятный / Т. П. Некрасова. – М. : Р. Валент, 2012. – 304 с.
7. **Полезные английские юридические идиомы** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cambridge.ua/uk/blog/15-english-legal-idioms/>, свободный. (Дата обращения: 16.09.2022 г.).
8. **Фомина, С. Б.** Лексико-структурные характеристики авиационной терминологии и способы её передачи на русский язык. / С. Б. Фомина // Филологические науки в МГИМО. – М. : МГИМО – 2022. – № 8 (1). – С. 70–79.
9. **Фомина, С. Б.** Трудности и способы перевода англоязычной юридической терминологии / С. Б. Фомина // European Research: сборник статей XXXII Международной научно-практической конференции. – Пенза : Наука и Просвещение, 2021. – С. 54–57.

Fomina S. B.

Lexico-structural Characteristics of Legal Terminology and Techniques of its Transmission into Russian Language

The article discusses the lexical and structural characteristics of legal terminology and techniques of its translation into Russian language, the specifics of translation is observed. The legal text is considered as a sphere of functioning of specific terminological units, that does not exclude the presence of such lexical units as neologisms, phraseological units, vocabulary of foreign origin. Metaphorical means are noted as a source of terminology, typical structural features of terminological units are determined. Translation solutions are defined when transferring the meanings of legal terminology.

Key words: legal text, semantics, vocabulary, terminology, translation methods.

УДК [004.9:794:81'25]-043.84

Харченко Лариса Ивановна,
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
larissa7474@yandex.ru

Батранча Юлия Александровна,
лаборант кафедры теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
iiula.b.15@gmail.com

Локализация компьютерных игр: вопрос актуальности

В статье рассматривается термин «локализация». Описываются цели, виды и этапы этого процесса. Анализируется необходимость локализации компьютерных игр среди игроков по всему миру на рынке развлекательного программного обеспечения.

Ключевые слова: локализация, актуальность, перевод, развлекательное программное обеспечение, игровая индустрия, культурная адаптация

Компьютерные игры на данный момент занимают довольно обширное пространство на рынке развлечений, едва ли вытесняя кино, сериалы и даже литературу. Возможно, это происходит благодаря тому, что потребитель, в нашем случае – игрок, ощущает на себе более сильный эффект присутствия в истории, которая передается ему с экрана, посредством мнимой или, в отдельных играх, реальной возможности влияния на сюжет в игре. Компьютерные игры, в основном, создаются на родном языке разработчиков, что способствует появлению необходимости их перевода. Данное исследование направлено на то, чтобы разобраться в том, как происходит процесс перевода развлекательного программного обеспечения, а также понять масштаб необходимости перевода компьютерных игр.

Цель статьи заключается в том, чтобы раскрыть вопрос актуальности локализации компьютерных игр.

Задачи статьи – раскрыть сущность понятия «локализация» и рассмотреть цель и этапы данного процесса, выявить различия локализации и перевода, а также обосновать актуальность и значимость локализации компьютерных игр для игровой индустрии.

В процессе предлагаемого исследования были использованы следующие методы:

- теоретический анализ и синтез (сбор и обобщение теоретического материала по теме «локализация», подведение итогов исследования);
- абстрагирование и конкретизация (выделение особенностей процесса локализации);
- обобщение (выводы на основе полученной в процессе работы над исследованием информации).

Обычно локализация представляется, в первую очередь, как перевод, но, это гораздо больше, чем перевод. Им мы называем процесс адаптации развлекательного программного обеспечения к языку и культуре страны языка перевода. Так как локализация представляет собой комплексную систему адаптации программного обеспечения, у нее существует множество различных форм.

Согласно А. Пашутиной, существует такой термин, как «глубина локализации», который указывает на то, сколько информации в игре может быть локализовано. По нарастанию глубины локализации принято выделять следующие ее виды:

– бумажная (перевод информации на коробке, вкладышах, регистрационной карточке, обложке к руководству пользователя и маркетинговых материалах);

– поверхностная (если издатель хочет обозначить свою причастность к компьютерной игре, добавив свой логотип, заставку в игре, авторские права и файл *readme*, в котором указывается дополнительная информация, которая могла появиться после выпуска печатной документации к игре, а также в ней указываются авторы игры, история версий, примечания к использованию продукта);

– экономическая (перевод всего внутриигрового текста, название данного вида свидетельствует о том, что такая локализация будет экономически выгодна для разработчиков в силу того, что не нужно будет оплачивать дополнительно перевод звуковой дорожки и запись ее перевода, а также перевод и изменение графических элементов игры);

– углубленная (адаптация всего звука, который есть в компьютерной игре, для данного вида необходимо дополнительно нанимать актеров озвучания и работать со звуком игры в целом, что будет дороже и по времени, и по деньгам);

– избыточная (частичная или полная локализация графических элементов игры, в данном случае могут заменяться текстуры, графические изображения и даже целые объекты);

– глубокая (адаптация сценария игры согласно законам и обычаям страны языка перевода, так, в случаях, когда какие-то элементы игры (сюжет, диалоги, текстуры, персонажи и т.д.) могут показаться осудительными в стране, на язык которой будет переведена игра, они будут заменены или удалены; такой вид локализации очень редкий) [1].

Следует уточнить, что каждый последующий вид локализации включает в себя все предыдущие. Издатель выбирает глубину локализации в зависимости от собственного бюджета, рынка страны, где она будет продаваться, специфики самого проекта, норм и законов страны-потребителя. Что касается целей – независимо от того, какой вид выбрал тот или иной разработчик для своей игры, основные цели локализации неизменны. Обратимся к ресурсу НИ-СОМ, который выделил главные цели локализации развлекательного программного обеспечения [5]:

– увеличение численности игроков по всему миру;

– сохранение характера, точности деталей и основного посыла оригинальной игры;

– сохранение уникальных черт личности персонажей игр при локализации игры (особенно в жанре ролевых игр);

– замещение/удаление неуместного контента при необходимости, чтобы привлечь еще большее количество игроков.

Из вышесказанного можно выделить то, что локализация игр положительно влияет на распространение готового продукта и способствует лучшему восприятию сюжета игры носителями иностранных языков.

Комплексная система локализации довольно обширна по своему функционалу. Во время процесса локализации к работе привлекаются не только сами переводчики, но и работники других сфер. Приведем список мероприятий, входящих в комплексную систему локализации развлекательного программного обеспечения.

1. Оценка компанией-локализатором компьютерной игры стоимости той работы, которую им необходимо будет сделать.

2. Обсуждение процедуры и методов, которые будут применяться в дальнейшей локализаторской деятельности (данные два этапа носят название «pre-sales phase» или предаукционная фаза).

3. Анализ и оценка исходного материала (Analysis of source material) – представленных компанией-заказчиком рабочей версии развлекательного программного обеспечения; документации, в которой содержится информация о текстовом наполнении предоставленной компьютерной игры и справки для него; информации по технической документации (текстовой и графической); предыдущие версии игры, если такие есть; глоссарий.

4. Установка сроков окончания работы и определение бюджета (Scheduling and Budgeting).

5. Составление общего глоссария (Terminology Setup).

6. Подготовка всех имеющихся материалов для локализации компьютерной игры (Preparation of source material or Localization kit).

7. Перевод программного обеспечения (Software Translation).

8. Перевод справок и технической документации (Translation of Online help and Documentation).

9. Настройка обновлений для программного обеспечения и технической документации (Processing Updates).

10. Проверка работы программного обеспечения, справок и компьютерная верстка (Testing of Software, Online Help and Publishing of Documentation).

11. Проверка качества полученного продукта заказчиком (Product Quality Assurance and Delivery).

12. Завершение работы над проектом (Project Closure) [4, с. 20–21].

Исходя из всего вышесказанного, мы видим, что локализация и перевод – не одно и то же. Таким образом, если перевод предполагает преобразование текста на исходном языке в текст на языке перевода, то локализация – комплексная система адаптации продукта, в которой происходит преобразование оригинального продукта, начиная с текста и заканчивая сюжетом.

В связи со сложностью описанной выше системы, возникает вопрос ее необходимости. Обратимся к аналитическому отчету по статистике ПК и консольных игр за 2022 год, произведенный компанией Google на основе опроса

игроков старше 18 лет, которые играют в игры в основном на ПК или консолях, из Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы, Ближнего Востока и Северной Америки, а также Южной Африки, Мексики и Бразилии.

Так, согласно разделу «Локализация», более половины опрошенных ПК- и консольных игроков считают, что локализация развлекательного программного обеспечения на язык их родной страны или региона «очень важна» или «чрезвычайно важна» [2], их количество в сумме составляет 62%. Данное количество – это, в основном, жители Азиатско-Тихоокеанского региона и Бразилии. 22% игроков думают, что локализация «относительно важна», 16% игроков кажется, что локализация либо «незначительна», либо в принципе «неважна».

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в странах, где у людей низкий уровень знания английского языка, спрос на локализацию гораздо больше, чем в странах, где английский язык является государственным или используется наравне с родным языком. Для подтверждения данного высказывания обратимся к ресурсу EF English Proficiency Index, а именно к их последнему отчету за 2021 год [3]. Так, самый низкий уровень владения языком – у Ближнего востока (средний балл по шкале EF EPI составляет 445), чуть выше у Латинской Америки (485) и Африки (489), Азия (504) ненамного превышает средний балл по миру (503), самый высокий балл наблюдается в Европе (552).

Если рассмотреть более детально каждый регион, то станет понятно, что, согласно отчету вышеуказанного ресурса, наибольший интерес в локализации может возникнуть у следующих стран Европы: Турция, Армения и Азербайджан; стран Азии: Непал, Вьетнам, Япония, Индонезия, Монголия, Афганистан, Казахстан, Таиланд, Кыргызстан, Таджикистан и др.; стран Латинской Америки: Бразилия, Венесуэла, Мексика и др., а также большая часть Африки и Среднего Востока, что подтверждает вышесказанное.

Следовательно, большое количество людей заинтересовано в том, чтобы игры, в которые они потенциально смогут поиграть, уже были заранее профессионально переведены перед выходом самой игры.

Локализованная версия игры, написанная на государственном языке и имеющая адаптированные к культуре детали, вызовет гораздо больший интерес у игроков. У них будет создаваться ощущение, что игра создана специально для них. Персонализация в играх, позволяющая пользователям развлекательного программного обеспечения создавать свое собственное игровое направление или персонажа, становится все более популярной. Локализация игры помогает игрокам участвовать в диалогах и погружаться в фантастический мир, где они могут играть в своем собственном языковом и культурном контексте.

Подводя итоги проведенного исследования, приходим к следующему выводу. Если используемый в игре язык станет полностью доступным пользователю, проблем с полноценным восприятием сюжета, а также с пониманием внутриигровых правил возникнуть не должно, что будет способствовать повышению интереса самого игрока, а также возможному распространению этой игры среди его друзей и знакомых. Именно поэтому локализация игро-

вых продуктов считается эффективным способом для увеличения количества потребителей производимого ими продукта в иноязычных странах по всему миру. Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении локализации компьютерных игр в сфере образования.

Список литературы

1. **Пашутина, А.** Локализация компьютерных игр: суть, проблемы и решения [Электронный ресурс] / Алла Пашутина. – Электрон. текстовые дан. – [Россия], 2003 – Режим доступа: <http://psxplanet.ru/Localization-Of-Computer-Games>, свободный. (Дата обращения: 19.09.2022 г.).
2. **EF English proficiency Index** / EF EPI. – Режим доступа: <https://www.ef.com/wwen/epi/>, свободный. (Дата обращения: 19.09.2022 г.).
3. **Esselink, B.** A Practical Guide to Localization / Bert Esselink. – London: John Benjamins Publishing, 2000. – 488 p.
4. **What you Need to Know about Game Localization** [Электронный ресурс] / HI-COM. – Режим доступа: <https://www.hicom-asia.com/what-you-need-to-know-about-game-localization/>, свободный (Дата обращения: 19.09.2022 г.).
5. **2022 PC & Console Insights Report** [Электронный ресурс] / Google for Games. – Режим доступа: <https://games.withgoogle.com/reports/2022-pc-console-insights-report/>, свободный. (Дата обращения: 19.09.2022 г.).

**Kharchenko L. I.,
Batrancha I. A.**

Game Localization: Significance Issue

The article discusses the term “localization”. The aims, types and stages of this process are described. The significance of game localization in the gaming industry among players all over the world is analyzed.

Key words: localization, significance, translation, recreational software, gaming industry, cultural translation.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК 808.51:327.88:929 Бербок

Мифтахова Ольга Викторовна,
ст. преподаватель кафедры
романо-германской филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
olga_miftakhova@mail.ru

Языковые особенности русофобской риторики Анналены Бербок

Данная статья представляет собой исследование реализации русофобской риторики в медийном пространстве Германии министром иностранных дел Анналеной Бербок. Автор кратко освещает причины возникновения антирусской риторики, ее особенности и эффект, производимый на аудиторию.

Ключевые слова: *риторика, коммуникация, реципиент, массмедийный контент, ценностно-эмоциональное манипулирование.*

Можно с уверенностью констатировать тот факт, что на сегодняшний день русофобией пропитана вся так называемая западная политическая элита, которая считает себя создателем медийной повестки дня. Хотя стоит заметить, уточняющий маркер времени «на сегодняшний день» выглядит не вполне уместно, поскольку риторика русофобии звучит достаточно давно, просто ее качество и количество заметно возросло с началом специальной военной операции в Донбассе. На протяжении последнего десятилетия образ России воспринимается зарубежной аудиторией преимущественно негативно. Это происходит в основном ввиду того, что западные СМИ широко используют русофобскую риторику, цель которой – репрезентация России как враждебной страны на геополитической арене.

Значительно преуспела в формировании антирусской повестки в медийном пространстве немецкая пропаганда. Хотя по форме и содержанию подачи политического материала она мало чем отличается от английской, американской, французской или японской. В немецких медиа Россия и раньше была представлена как агрессивная страна, опасная своей непредсказуемостью.

Проблемы русофобии в мире в своем выступлении на тему «Приоритеты внешней политики России» на «правительственном часе» и ответы на вопросы в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации коснулся министр иностранных дел С. В. Лавров в декабре 2021 года: «Гораздо разумнее и полезнее объединить усилия по решению глобальных проблем – таких, как «зеленый» переход, цифровизация, чем заниматься нагнетанием напряженности и русофобской риторики» [2].

Об этом также заявлял министр обороны России Сергей Шойгу, выступая перед журналистами по завершении Армейских игр-2020: «В концептуальных документах блока наша страна определена как главная угроза безо-

пасности. В западных СМИ развёрнута масштабная пропагандистская кампания. Её цель – убедить мировую общественность в якобы агрессивности внешней и военной политики России» [6].

Дискуссия вокруг репрезентации России как страны-врага, страны-агрессора не только не ослабевает, но уверенно с каждым днем набирает обороты. Анализ образа России в отечественных СМИ представлен в исследованиях Д. А. Болотова, М. В. Зеленова, Д. И. Максимовой, О. Г. Орловой, А. М. Седова, Е. Ю. Трещенкова, К. К. Худолея и др., рассматривающих способы репрезентации образа в медиа, модели и механизмы его восприятия за рубежом [4, с. 100]. Появляются исследования, анализирующие психолингвистические особенности конструирования медиаобраза страны. Так, в масштабном исследовании медиа за период с 2000 года по настоящее время, показано, что «Россия сегодня предстает в принципиально новом качестве, а международный политический истеблишмент по-прежнему не хочет видеть Россию неотъемлемой частью цивилизованного мира, представляет государством, не готовым разделять общечеловеческие ценности» [4, с. 100].

СМИ уделяют внимание в основном внешней политике России, «характеризуя её как агрессивную и основанную на имперских амбициях» [4, с. 100]. Украинский кризис массово изменил сознание немцев, которые вдруг снова начали считать русских своими старыми врагами. Волна русофобии проникла в научную и культурную сферы, русских ученых, философов, писателей, художников, композиторов теперь модно отменять. Требование дистанцироваться от Кремля звучит повсеместно. Нагнетание антироссийской истерии в СМИ вселяет в людей чувство вседозволенности. Вину за русофобию подобного рода отчасти можно возложить на военную риторику местных медиа.

В нашем исследовании мы детально рассмотрим откровенное проявление русофобии в выступлениях министра иностранных дел ФРГ в правительстве Олафа Шольца Анналены Бербок. С 2013 года Бербок является депутатом бунтестага, с декабря 2021 – министром иностранных дел Германии. Здесь сразу стоит отметить, что политику, а следственно и риторику данной личности критикуют свои же политологи. Так, немецкий политолог Кристоф Херстель заявил, что глава МИД Германии Анналена Бербок демонстрирует свою некомпетентность, делая антироссийские заявления. «Глава МИД Германии госпожа Бербок печально известна всему миру своими грубыми ошибками в речи. Политику, которую она ведет, критикует каждый адекватный немец. Бербок, как и [канцлер ФРГ Олаф] Шольц и все его приближенные, своими действиями ставит под угрозу безопасность всей Европы, благосостояние людей, экономику и промышленный сектор своей страны», – сказал политолог в интервью «Известиям» [5]. Вместе с тем политолог назвал Бербок «лишь посланником дурных вестей от Шольца».

Экс-председатель Социал-демократической партии Германии Оскар Лафонтен сравнил слова немецкого министра иностранных дел Анналены Бербок о «разрушении» России с «языком нацистов», передает газета *Saarbrücker Zeitung*. Лафонтен считает, что подобные заявления пришлись бы по душе руководителям Третьего рейха. Кроме того, политик раскритиковал слова Бербок о том, что в планы ФРГ входит отказ от нефти и газа России [1].

Рассмотрим, как Анналена Бербок реализует антирусскую риторику в медийном пространстве Германии: *Ein Waffenstillstand kann nur ein erster Schritt sein. Für uns ist klar: Eine Aufhebung der Sanktionen gibt es nur, wenn Russland seine Truppen abzieht. Ein Frieden zu Bedingungen, die Russland diktiert hat, würde weder der Ukraine noch uns in Europa die ersehnte Sicherheit bringen. Schlimmstenfalls wäre er die Einladung zum nächsten Krieg – noch näher an unseren Grenzen* [7]. / Прекращение огня может быть только первым шагом. Нам ясно, что санкции могут быть сняты только в том случае, если Россия выведет свои войска. Мир на условиях, продиктованных Россией, не принес бы безопасности ни Украине, ни нам в Европе. В худшем это было бы приглашением на следующую войну – еще ближе к нашим границам.

Данное заявление было сделано 1 мая 2022 года. Россия успешно проводит СВО в Донбассе, медленно, но уверенно внедряя в жизнь планы по денацификации и демилитаризации, поставленные Верховным главнокомандующим в феврале 2022 года. Именно в этот момент министр иностранных дел Германии заводит речь о прекращении огня и выводе войск Россией. С точки зрения здравого смысла и логики здесь был бы уместен вопрос: почему подобные требования не выдвигались к Украине на протяжении 8 лет войны в Донбассе? Тем более, что информация по данным позициям была закреплена в Минских соглашениях, Декларация в поддержку которых была подписана Германией. Манипулятивным, действующим на сознание аудитории является тотальное обобществление во фразе «нам ясно», где «нам» тождественно демократической цивилизации, правильному игроку в данном конфликте. То есть, на лингвистическом уровне происходит противопоставление «они – мы», где «они» маркируются негативно, а «мы» – позитивно. Снова ставятся условия, при которых могут быть сняты санкции, что выражается в условном придаточном предложении. Интересными с точки зрения оказания давления на аудиторию являются последние два предложения в высказывании Бербок. Они оформлены в условном наклонении, обозначающем действия, желаемые при определенных условиях. И здесь следовало бы обратиться к исторической справке для того, чтобы убедиться в ложном потенциале высказывания министра иностранных дел Германии, поскольку «русские войн не начинают. Русские войны заканчивают». И как раз любой мир, подписанный на условиях России, приносит безопасность. Мы можем сделать вывод, что информация подается наизнанку, создавая новый политический миф. По мнению М. Лернера, у человека «возникает полная мешанина понятий и никакой взаимосвязи событий. Единственная система, в которую он способен подставить отдельные факты, – это система стереотипов, уже сложившихся у него в голове [3, с. 36].

Рассмотрим следующее высказывание Анналены, сделанное 24 февраля 2022 года: *Wir werden das volle Paket mit massivsten Sanktionen gegen Russland auf den Weg bringen. Wir sind in einer anderen Welt an diesem Morgen aufgewacht* [10]. / Мы запустим полный пакет с самыми масштабными санкциями против России. Этим утром мы проснулись в другом мире.

Здесь эксплицирована довольно сильная психологизированная лексика, действие которой обретает кумулятивный эффект, вызванный сфокусированным воздействием смысловых и психоэстетических элементов. Превосходная

степень сравнения прилагательного, характеризующего масштаб санкций, – *massivste*, эмотивный усилитель пакета – прилагательное *voll*, наличие предлога *gegen* в одном предложении формируют русофобское ядро высказывания. Пафосное продолжение высказывания, выраженное во втором предложении, добавляет эмоционального накала, стимулирует у реципиента эмоциональное возбуждение: *Aber es ist wichtig, dass Russland hier nicht die Bühne überlassen wird. Wenn ein Staat die internationale Ordnung und damit die Staaten, die auch hier am Tisch sitzen, angreift, dann können wir ja nicht einfach zum netten Abendessen übergehen [9]. / Но важно, чтобы России не передали здесь сцену для выступления. Если государство нападает на международный порядок и, следовательно, на государства, которые также сидят здесь за столом, то мы не можем просто перейти к хорошему ужину.*

Пример еще одного высказывания-выпада в сторону России, сделанного накануне встречи стран G-20 на Бали. Антирусская риторика реализована в данном тексте посредством приема воздействия, основанного на психологии восприятия человека – использования пугающих тем и сообщений. Эффективность такого приема зависит от присутствия в данном высказывании угрозы, а именно угрозы нападения Россией на международный порядок и на условно «хорошие» государства. Снова четко показано противопоставление «плохой-хороший», что реализует еще один прием – создание контраста. Обратим внимание на то, что «хорошие» государства в большинстве, и они могут противостоять одному плохому государству. Градус воинственности в лексике сходит на нет к концу текста, в один ряд поставлены жестокое нападение на миропорядок и хороший ужин. Конец высказывания по смысловой нагрузке и лексически слабее своего начала: *Außenministerin Annalena Baerbock hat dem russischen Präsidenten Wladimir Putin wegen des Angriffs auf die Ukraine Lügen und menschenverachtendes Vorgehen vorgeworfen. Wenn man wie Putin bereit sei, das Leben „von Kindern, Frauen und Männern aufs Spiel zu setzen, um seine Wahnvorstellungen durchzusetzen, dann ist das menschenverachtend,, sagte die Grünen-Politikerin im ZDF. Nun sei es wichtig, geschlossen zu sagen: „Wir akzeptieren das nicht als Weltgemeinschaft,,. [8] / Министр иностранных дел Анналена Бербок обвинила президента России Владимира Путина во лжи и бесчеловечном поведении в связи с нападением на Украину. Если, подобно Путину, вы готовы «рисковать жизнями детей, женщин и мужчин, чтобы навязать свои заблуждения, то это бесчеловечно», – сказал политик от Зеленых на ZDF. Сейчас важно сказать единогласно: «Мы как мировое сообщество этого не приемлем».*

Еще один пример агрессивного речевого поведения, наполненного русофобской риторикой со стороны министра иностранных дел Германии. В данном тексте адресант апеллирует к ценностно-эмоциональному манипулированию реципиентом. Манипулирование подобного рода осуществляется здесь посредством метода «забрасывания грязью», «наклеивания ярлыков» и «использования трюизмов». Естественно, ярлыки наклеиваются на Россию и президента, грязью забрасывается снова Россия и ее президент, а «мировое сообщество» в лице американских и западноевропейских элит противостоит злу и категорически не приемлет бесчеловечности. Стоит оставить риторическим вопрос: а где

же человечность всего человечества, когда методично расстреливают население Донбасса, уничтожают его инфраструктуру, стирая с земли некогда самый густонаселенный район Европы? И кем все это осуществляется? Ответ на эти вопросы никак не вписывается в медийную повестку «мирового сообщества», поскольку «мировое сообщество» и осуществляет геноцид народа Донбасса, активно, поставляя всевозможное вооружение Украине, призывая продолжить поставлять его, или пассивно, попросту замалчивая или полностью перевирая все события, происходящие в зоне проведения СВО.

Подводя итог всему выше сказанному, отметим еще раз, что русофобская риторика – не явление последнего года. Она четко формировалась и реализовывалась в медийном пространстве «цивилизованного мирового сообщества» не одно десятилетие. Базируется она на разнообразных манипулятивных технологиях, которые, в свою очередь, представлены целым спектром приемов и уловок, цель которых – навязать нужное мнение или образ обществу, затрагивая психоэмоциональную сферу социума. Опасным является то, что представители одной стороны, в нашем случае речь идет о Германии, в своей речевой агрессии уже ни перед чем не останавливаются, черное называя белым, мнения представляя доказательной базой, обвиняя другую сторону, не предъявив фактически никаких улик и доказательств. Можно было бы нейтрально относиться к данной проблеме, если бы при этом речь не шла о миллионах людских жизней.

Список литературы

1. **В Германии сравнили слова Бербок о развале РФ с «языком нацистов»** [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iz.ru/1337924/2022-05-21/v-germanii-sravnilo-slova-berbok-o-razvale-rf-s-iazykom-nacistorov>, свободный. (Дата обращения: 02.08.2022 г.).
2. **Выступление министра иностранных дел России С. Лаврова** на тему «Приоритеты внешней политики России» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/96647/>, свободный. (Дата обращения: 29.07.2022 г.).
3. **Дзялошинский, И. М.** Манипулятивные техноогии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. – 2005. – С. 29–54. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <file:///C:/Users/ASUS/Downloads/manipulyativnyye-tehnologii-v-mass-media.pdf>, свободный. (Дата обращения: 03.08.2022 г.).
4. **Мельник, Г. С.** Лингвистические приемы антироссийской пропаганды – новый тренд массмедиа Германии / Г. С. Мельник // Аксиология медиатекста. – 2020. – С. 99–108 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-priyomy-antirossiyskoj-propagandy-novyy-trend-massmedia-germanii/viewer>, свободный. (Дата обращения: 04.08.2022 г.).
5. **Политолог из ФРГ заявил об угрозе для Европы из-за политики «руссофобии» Бербок** [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iz.ru/1338166/2022-05-22/politolog-iz-frg-zaiavil-ob-ugroze-dlia-evropy-iz-zapolitiki-rusofobii-berbok>, свободный. (Дата обращения: 02.08.2022 г.).

6. **Шойгу заявил**, что в западных СМИ против РФ развернута масштабная пропагандистская кампания [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tass.ru/politika/9382179?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com, свободный. (Дата обращения: 02.08.2022 г.).
7. **Annalena Baerbock**: Frieden in der Ukraine erst nach Abzug der russischen Truppen [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rtde.live/europa/137450-annalena-baerbock-frieden-in-ukraine/>, свободный (Дата обращения: 04.08.2022 г.).
8. **Baerbock**: Russland hat uns “eiskalt belogen” [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.n-tv.de/politik/Baerbock-Russland-hat-uns-eiskalt-belogen-article23153413.html>, свободный. (Дата обращения: 04.08.2022 г.).
9. **Baerbock**: Russland nicht die Bühne überlassen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/baerbock-g20-ukraine-krieg-russland-100.html>, свободный. (Дата обращения: 04.08.2022 г.).
10. **Ukraine-Krise**: Baerbock kündigt schärfste Sanktionen gegen Russland an [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www1.wdr.de/nachrichten/baerbock-kuendigt-schaerftste-sanktionen-gegen-russland-an-100.html>, свободный. (Дата обращения: 04.08.2022 г.).

Miftakhova O. V.

Linguistic Features of Annalena Baerbock’s Russophobia

This article is a study of the implementation of Anti-Russian sentiment in the German media by the Minister of Foreign Affairs Annalena Baerbock. The author briefly highlights the causes of the emergence of anti-Russian rhetoric, its features and the effect it has on the audience.

Key words: *rhetoric, communication, recipient, mass media content, value-emotional manipulation.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батранча Юлия Александровна, лаборант кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Бережная Анна Дмитриевна, магистрант второго курса Института филологии и социальных коммуникаций ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Борzych Елена Александровна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля», г. Луганск, ЛНР

Грицкова Наталия Викторовна, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Грязнова Анжелика Михайловна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Каткова Виктория Павловна, заведующий кафедрой теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля», кандидат педагогических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Ли Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Марфина Жанна Викторовна, врио заведующего кафедрой журналистики и издательского дела, ректор ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Мерхелевич Геннадий Викторович, заведующий кафедрой «Русский и иностранные языки» ГОУ ВПО ДНР «Донецкая академия транспорта», кандидат педагогических наук, г. Донецк, ДНР

Мифтахова Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Пантыкина Наталья Игоревна, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Сотникова Юлия Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Фомина Светлана Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля», кандидат филологических наук

Харченко Лариса Ивановна, заведующий кафедрой теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Хатнюк Анатолий Витальевич, аспирант кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Чередниченко Виталия Михайловна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия» «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.

3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки».

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на украинском и английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке), на украинском языке (после аннотации на украинском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается

строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
	<i>Заполняется каждым автором</i>	
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

Редакция Вестника Луганского государственного педагогического университета

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сборник научных трудов

Серия 3

Филологические науки. Медиакommunikации

Главный редактор – *Л. Н. Синельникова*
Выпускающий редактор – *Г. Г. Калинина*
Редактор серии – *А. А. Новикова*
Корректор – *О. И. Письменская*
Компьютерная верстка – *Р. В. Жила*

Подписано в печать 01.11.2022. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 7,48.
Тираж 19 экз. Заказ № 125.

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Тел. : (0642)58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru